

www.dontsova.ru

Дарья Донцова

ХОББИ гадкого утенка

Любительница частного сыска
Даша Васильева

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Любительница частного сыска Даша Васильева

Дарья Донцова

Хобби гадкого утенка

«ЭКСМО»

2001

Донцова Д. А.

Хобби гадкого утенка / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2001 — (Любительница частного сыска Даша Васильева)

Фатальная невезуха в семье Даши Васильевой началась после уикенда, который они все провели на конезаводе своих знакомых Верещагиных. Там была еще одна респектабельная пара – Лена и Миша Каюровы, владельцы двух лошадей. Правда, полгода назад, когда Даша познакомилась с Каюровыми, они были просто нищие. А Лена, сбросившая тогда из окна на Дашину машину тряпичную куклу, была абсолютно невменяемой. Сейчас она казалась совершенно здоровой... Потом Дарья подслушала ссору Каюровых, а позднее Лену нашли мертвой в деннике ее коня Лорда. Верещагина не верит, что Лорд мог убить свою хозяйку, и просит Дашу найти убийцу. Любительница частного сыска, конечно же, взялась за дело. И тут началось такое! Все в ее семье летит в тартарары...

© Донцова Д. А., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дарья Донцова

Хобби гадкого утенка

Глава 1

Я видела, как он умер. Тяжелое тело с ужасающим уханьем рухнуло откуда-то сверху на капот моего несчастного «Вольво». Раздался жуткий звук. Онемев, я смотрела, как от удара голова несчастного развернулась на 180 градусов... Страшное лицо, без носа, глаз, рта, сплошь белое, словно подушка, оказалось прямо перед моими глазами.

Не в силах заорать, я тихо опустила на землю. С самого раннего детства мне снится иногда один и тот же кошмар. Стою на длинной, тесно застроенной домами улице. Мимо, торопясь, пробегают прохожие. Вдруг один поворачивается, и становится понятно, что у него нет лица. Просто белое пространство, окаймленное волосами. В страхе я принимаюсь хватать других людей за руки, незнакомцы покорно тормозят, но они все, как близнецы, без глаз, носов, ртов... В холодном поту я просыпаюсь и потом долго курю, пытаюсь успокоиться. Может, следует сходить к психотерапевту и попытаться узнать, какие монстры в моей душе вызывают сей кошмар. Останавливает только воспоминание про одну мою подругу, которая отвела сына лечиться от энуреза. Именитый психоаналитик занимался с юношей целый год, эффект так и не был достигнут. Петя продолжает мочиться в кровать по ночам, но теперь он этого не стесняется. Психотерапевт объяснил ему, что этой привычкой следует гордиться.

По счастью, ужасающий сон навещает меня не чаще двух раз в год, но я никогда не могла предположить, что увижу наяву человека без лица. А как хорошо начинался день! У моего сына Аркадия, постоянно занятого молодого человека, образовалось свободное время, и он согласился поехать вместе с матерью в магазин. Причем не сел в свой джип, а влез в мой «Вольво» и всю дорогу терпеливо молчал, ни разу не покритиковав мою манеру водить автомобиль. И вообще, он сегодня вел себя странно приветливо: когда его младшая сестра Маша, у которой начался период подросткового обжорства, слопала за завтраком четыре пирожка, тарелочку каши, йогурт, запила все двумя стаканами какао и ушла в школьный автобус с мороженым в руках, добрый брат не стал орать, как всегда, что-то типа:

– Положи немедленно эскимо, мы тебя через год на тачке возить будем.

Нет, он только вздохнул и, когда Маруська уехала, весьма ласково спросил:

– Мать, может, проверить ее на глисты? Вдруг у нее солитер завелся?

А когда его жена Ольга, или, как мы зовем ее дома, Зайка, спустилась к завтраку в полной боевой раскраске, муженек сделал вид, что занят поглощением кофе. Кстати, он терпеть не может «намакияженную» Ольгу, и никакие аргументы супруги типа: «Я же работаю на телевидении» – на него не действуют.

Вчера, например, Зайка «принесла» к завтраку напудренное личико с ярко намазанными губами и, сев за стол, весело сказала:

– Всем привет!

Добрый супруг буркнул:

– Здравствуйте.

– Ты зовешь Ольгу на «вы»? – удивилась я.

Кеша оторвался от чашки и противным голосом поинтересовался:

– А где здесь Оля?

– Вот, – ткнула я пальцем в Зайку.

– Кто? – идиотничал сын. – Это? Ну, мать, ты ошиблась, я с этой девицей незнаком. Здравствуйте, любезнейшая, впрочем, где-то я вас видел! А! Вспомнил, проезжал вчера у трех вокзалов, не вы там стояли на углу?..

Зайка вспыхнула, и разразился скандал.

Но сегодня Кешка не сказал ничего, и завтрак закончился самым мирным образом.

И вот, пожалуйста. Ну зачем мне захотелось пить? Ну почему я решила купить бутылочку минеральной воды в этом киоске? Отчего несчастный самоубийца выбрал именно этот момент, чтобы свести счеты с жизнью...

Сидя у переднего колеса и трясясь крупной дружью: все-таки первое марта на улице, – я тупо наблюдала за разворачивающимися событиями.

Вот Аркадий, выскочивший из машины, кричит что-то в трубку мобильного телефона, начинают останавливаться люди, подъезжает «Скорая помощь», следом, словно чертик из коробочки, возникает милиционер. Синяя форма и белый халат наклоняются над несчастным и... рывком сбрасывают тело на землю. Обозленный мент со всего размаха бьет труп ботинком по затылку, голова отрывается... Это было уж слишком. Последнее, что я помню, – Кеша, быстрым шагомдвигающийся в мою сторону.

В нос ударил тошнотворный «букет» из запахов кошачьей мочи, кислых щей и плохо постиранного белья.

– Эй, мать, – донеслось до слуха, – ты как? Жива?

Я села, разлепила глаза и прошептала:

– Можно кофейку?

– Сейчас, сейчас, – послышался тоненький голосок.

Какая-то тень метнулась к порогу.

– Где я?

– Не знаю, – сообщил Кеша, сидевший на диване.

– Как?

– Так. Ты упала в обморок, а эта женщина предложила внести тебя в ее квартиру, кстати, под номером один, что я и проделал, – спокойно пояснил Аркадий.

Мои глаза оглядели комнату. Потертый диван, два кресла, комод, круглый стол и кровать, на которой лежу я. На полу – палас, на стене – ковер. Окно... Я вскрикнула.

– Какой ужас! Несчастный мужик, ну зачем он выбросился из окна!

Аркадий хмыкнул:

– Не расстраивайся.

– Ну ничего себе! Человек погиб...

– Все живы.

– Он жив? Упав на капот «Вольво»? Да у него голова оторвалась! Я видела, как милиционер пнул ногой труп! Какой ужас, я обязательно узнаю фамилию этого стража порядка и напишу жалобу! Разве можно так обходиться с мертвым телом?!

– Вот, – раздалось над ухом, и перед носом оказалась чашка с гадким растворимым кофе, – выпейте и в себя придете.

Я машинально глотнула пойло и чуть не выплюнула его назад. Терпеть не могу растворимый кофе, даже такой дорогой, как «Черная карта» или «Амбассадор», и уж совершенно неспособна употреблять его с сахаром. Сейчас же мне подсовывают самый дешевый индийский кофе, щедро сдобренный рафинадом.

– Вкусно? – спросил над ухом тот же голосок.

Я слегка повернула голову и увидела тощую, какую-то бестелесную бабульку. Абсолютно седые волосы старушки были сколоты гребнем, ярко-синие, совсем не блеклые глаза смотрели радостно и совершенно бесхитростно.

– Вкусно? – повторила она и, не дожидаясь ответа, сообщила: – Для гостей держу, сама-то не пью, дорогой очень. И послала тебе больше, чтобы совсем хорошо стало. Пей, детка, представляю, как ты перепугалась.

Я мужественно опустошила чашечку и с чувством произнесла:

– Спасибо, просто замечательно, давно такой не пила!

Что было абсолютной правдой, лет пять как я употребляю только настоящую арабику.

– Хочешь еще? – оживилась бабушка.

– Нет, нет, – испугалась я.

Второй порции «амброзии» я могу не выдержать!

– Ну не стесняйся, – улыбалась бабулька, – ей-богу, кофе есть, мне в радость угостить.

– Ей нельзя много кофеина, – пришел на выручку Кеша, – доктор запретил из-за сердца.

– Вот жалость, – пригорюнилась старушка, – вот сволочь, так человека напугать! Виданное ли дело! Правда, говорят, она сумасшедшая. Михаила жаль, возится с бабой, будто с куриным яйцом. На днях Ленка выскочила и по лестнице побежала. Я-то как раз дверь запираю, гляжу, она несется, глазищи бешеные, в халате, босиком. Увидела меня и кричит:

– Бабушка, спасите, убьет сейчас!

А Михаил за ней прыжком, догнал и говорит:

– Уж извините, Алевтина Марковна, недоглядел за женой, а она...

– Ничего не понимаю, – затрясла я головой.

Аркадий глубоко вздохнул и пустился в объяснения:

– На седьмом этаже, в 105-й квартире проживает Михаил Каюров с больной женой Леной. У бабы какая-то болезнь психики, может, шизофрения, а может, маниакально-депрессивный психоз – точно никто не знает. Денег у Миши на сиделку нет, а в обычную психиатрическую лечебницу он супругу помещать не хочет. Да и правильно, там такие условия, что бедная тетка живо на тот свет отъедет. Вот он и запирает несчастную в квартире, когда уходит. Квартира у них двухкомнатная. Чтобы сумасшедшая не лишила себя жизни, Миша заложил окно в ее спальне кирпичом... Но сегодня Лена каким-то образом ухитрилась попасть на кухню в отсутствие супруга...

– Господи, – всплеснула я руками, – я думала, мужчина упал!

– Да никто не сигал! – быстро влезла Алевтина Марковна. – Никто!

– Но...

– Лена сумасшедшая, – терпеливо пояснял Аркадий, – и в голову ей приходят больные мысли.

Я слушала сына, разинув рот. Утром несчастная психопатка, оставшись одна дома, невесть как выбралась из своей комнаты и отправилась бродить по квартире. Зашла в спальню к мужу, вытащила из шкафа его костюм, свернула одеяло, вернее, несколькими пледами набила штанины, полотенцами – пиджак, сформировала куклу, вместо головы приспособила подушку, на которую нацепила шапку... Причем проявила редкое мастерство, сшив вместе все части «тела». Зачем она мастерила куклу, непонятно, потому что, завершив работу, женщина оттащила довольно тяжелого «мужчину» в кухню и столкнула вниз, как раз в тот момент, когда я, припарковав «Вольво», собралась купить бутылочку минеральной воды.

– Так это была кукла, – с облегчением выдохнула я.

– Ага, – подтвердил Аркадий.

– Вот почему милиционер пнул ногой «труп»!

– Конечно, мы, как подошли, сразу поняли, что на капоте лежит не человек, – сообщил Кеша, – честно говоря, я решил – дети балуются. Помнишь, как мы с Петькой Коростылевым арбуз вниз кинули?

Очень хорошо помню. Жили мы тогда в Медведкове, в «распашонке», на пятом этаже. Семилетний Кеша и его друг-одногодок вышли на балкон и обнаружили там надрезанный, скисший арбуз. Я собиралась выбросить испорченный плод в мусорный контейнер, да забыла, выставив его на воздух. Мальчишки затеяли спор, на сколько кусков разлетится арбуз, если швырнуть его вниз. Петька уверял, что он превратится в кашу, а Кеша утверждал, что треснет пополам. Поспорив минут десять, они подрались, а потом решили выяснить истину эмпирическим путем и швырнули арбузище на тротуар. Раздался звук, больше похожий на взрыв. Липкая, сладкая масса перемазала с головы до ног двух малышей, упоенно лепивших куличики. Их матери, гневно сверкая глазами, явились ко мне выяснять отношения.

– А если бы арбуз упал на голову нашим детям? – негодовали они. – Тогда что?

Я чуть не лишилась чувств, представив, какое несчастье могло бы произойти, и пообещала задать Аркадию хорошую порку. Впрочем, до ремня дело не дошло. Мне никогда не хватало духа довести до конца «воспитательные методы».

– И что теперь будет? – спросила я, чувствуя, как липкий ужас уходит из души.

Жуткая трагедия превратилась в дурной фарс.

Кеша пожал плечами.

– Скорей всего ничего. Пока милиция глазела на куклу, явился Михаил и сообщил, что жена больна психически.

– А «Вольво»?

– В жутком виде, – вздохнул Кешка, – считай, капота нет. Менты посоветовали на ущерб подать, только денег у этого парня, мужа бедняги, никаких нет, он из-за своей Лены на приличное место устроиться не может, боится ее дома одну оставить. Перебивается случайными заработками.

– Ладно, – вздохнула я, – поехали домой.

– Вернее, пошли, – хмыкнул Аркадий.

– Сейчас такси поймает, – пробормотала я, вставая на ноги.

– Посидели бы еще, – сказала Алевтина Марковна.

Старушка явно жила одна, и ей было скучно.

– Спасибо, но нам пора, – ответила я и, вытащив из кошелька стодолларовую бумажку, положила ее на стол, – очень вам благодарна, это за кофе.

Бабуся вспыхнула огнем и резко ответила:

– Экая ты, деточка, гадкая. Я от чистого сердца угощала...

Мне стало стыдно. Быстро спрятав купюру, я постаралась загладить неловкость.

– Извините, и впрямь отвратительно вышло. Вы завтра никуда не уходите?

– Нет, – проронила Алевтина Марковна, – и куда мне ходить? Только в магазин или в поликлинику, на анализы. К чему интересуешься?

– Если около двух я заскочу к вам чайку попить?

– Давай, – повеселела бабушка, – я одна живу, никому не нужная. Спасибо, руки-ноги работают, сама себя обслужить могу, а иначе кранты, проси бабка жалости у государства!

На следующий день я, сев в «Жигули» нашего садовника Ивана, прикатила к Алевтине Марковне. После комфортабельного «Вольво» с антистрессовым креслом переход к отечественной марке оказался болезненным. Во-первых, от неудобного сиденья дико заломило спину, во-вторых, на педаль тормоза приходилось нажимать всем телом, в-третьих, растрясло из-за жутких амортизаторов.

Ругаясь сквозь зубы, я дорулила до магазина «Седьмой континент» и отправилась крушить прилавки. Так, купим такие продукты, которые по душе бабушкам. Геркулес, рис, гречка, масло, конфеты, торт, колбаса, йогурты, кефир, сахар... А еще овощи, фрукты и соки...

Словом, когда «Жигули» подкатили к нужному дому, они напоминали передвижной продмаг. Возле подъезда, выходящего прямо на проспект, неподалеку от ларьков, стояли несколько подростков. Я высунулась в окошко:

- Мальчики, на пиво заработать хотите?
- Не вопрос, – откликнулись они хором, – делать чего?
- Продукты в первую квартиру отнесите.

Ребята споро перетащили ящики и кульки. Алевтина Марковна всплескивала руками.

- Как же так, не надо, ой сколько! Зачем ты, детка, потратилась!

Я вошла в прихожую, скинула ботинки и заявила:

- Всегда мечтала иметь бабушку.

Старушка прослезилась и бросилась кипятить воду. Через минут пятнадцать мы сели к столу. Я глянула в кружку, где плескалась чуть желтоватая жидкость. Да, десяти пачек чая «Ахмад», купленных мной, хватит бабушке до скончания века. Похоже, она кладет по одной чайinke на стакан.

– Не крепко? – заботливо поинтересовалась Алевтина Марковна, заноса длинный нож над беззащитным тортом «Птичье молоко».

Я подавила ухмылку.

- В самый раз.

– Хорошо, – удовлетворенно заметила бабуся и, шмякнув мне на тарелочку кусок нежного суфле, обмазанного шоколадом, пустилась в воспоминания. Память завела ее в тридцать пятый год.

Глава 2

Я размеренно кивала головой, изредка поглядывая на часы. Впрочем, спешить мне, Дарье Васильевой, некуда. Честно говоря, я провожу дни в праздности. Только не подумайте, что так было всегда. Долгие годы я, имея на руках сначала одного Аркадия, а потом и Маню (разница между детьми составляет 14 лет), преподавала французский язык в заштатном институте и носилась задрав хвост по частным ученикам. Уходила из дома в восемь, возвращалась в десять, шатаясь от усталости. Маленький Аркашка все время рвал брюки и вырастал из ботинок. Постоянная покупка обуви пробивала зияющие бреши в бюджете. К тому же Аркадий всегда любил одеться и с большой неохотой натягивал брючата, сшитые трудолюбивыми работниками фабрики «Смена». В 12 лет он влюбился, но дама сердца с презрением отвергла его, облаченного в скромную курточку, предпочтя Колю Родионова, упакованного в самые настоящие американские «Левисы». Это сейчас джинсы превратились в нашей стране в то, чем они являются по сути: удобную одежду для дома и отдыха, а в 1984 году то, какой ярлык красовался у тебя на поясе, было вопросом престижа...

Видя, что ребенок едва сдерживает слезы, я вытащила заветные триста рублей, скопленные на «черный» день, и рванула в общежитие для иностранных студентов университета имени Патриса Лумумбы, где можно было купить абсолютно все, – от жвачки до дубленки.

Надев синие штаны, Кеша повертелся у зеркала, а потом бросился мне на шею со словами:

– Когда вырасту – все тебе куплю!

Я только вздохнула. Одно хорошо, на еду мы почти ничего не тратили. Аркадий ел меньше котенка, да и мне много не требовалось. Но потом у нас появилась Машка, обладающая аппетитом здорового щенка, и пришлось набрать еще учеников. Следом к нашему берегу прибило Наташку, мою близкую подругу, которая после развода оказалась буквально на улице... Так мы и жили, вместе поднимая детей и пересчитывая копейки.

Но однажды кто-то из богов глянул на землю и решил, что нам не хватает приключений. И тут же произошел каскад невероятных событий. Наталья вышла замуж за француза, укатила в Париж, мы поехали к ней в гости... Словом, не буду пересказывать всех приключений, скажу только, что в результате мы стали обладателями огромного состояния. Теперь наша жизнь проходит между Парижем и Москвой. Впрочем, Наташка почти безвыездно проживает в предместье французской столицы, мы же – Аркадий, Маня, Зайка и я – предпочитаем пригород Москвы. Живем в поселке Ложкино, где построили себе дом.

Материальная обеспеченность дала возможность всем домочадцам заниматься тем, чем хочется. Аркадий стал адвокатом, Зайка работает на телевидении, она ведет спортивные новости, и Кеша жалуется, что видит жену на экране чаще, чем в жизни. У них двое детей-близнецов: Анька и Ванька. Мои внуки еще не умеют самостоятельно ходить и разговаривать. Маша ходит в школу, а вечерами ездит в Ветеринарную академию, хочет стать кинологом. Словом, все заняты под завязку. Только я провожу дни в счастливом ничегонеделанье. Честно говоря, преподавательский труд надоел мне до зубовного скрежета, вид французской грамматики вызывает судороги, а студенты, тупо повторяющие текст «Моя комната», доводят меня до нервных корчей. Наверное, я не создана для того, чтобы впихивать в неподатливые головы знания. Если быть уж совсем откровенной, то мне нравится только одно занятие: чтение детективных романов.

Вот тут я ас и смело могу претендовать на звание «Мастер спорта по разряду криминальных историй». Прочла, наверное, все, что написано соответствующими авторами. Причем имейте в виду, что я абсолютно свободно владею французским и привожу из Парижа кофры, забитые томиками в ярких обложках...

- Ну так как, – прервала нить моих воспоминаний Алевтина Марковна, – сделаешь?
- Что? – вынырнула я из пучины прошлого в настоящее. – Что надо делать?

Старушка тяжело вздохнула.

- Сходить к Мише.

- Какому?

- Каюрову, ну тому, чья жена сумасшедшая, Лена, тебе на капот куклу сбросила!

- Зачем?

– Говорю же, очень вчера убивался, говорил, что ты обязательно на него в суд подашь и ущерб требуешь, а где ему деньги брать? Ленке пенсию платят четыреста рублей, а у самого небось жалкие копейки...

- Да не буду я ничего требовать!

- Вот и поднимись наверх, сделай милость, успокой парня.

Я распрощалась со старушкой и, пообещав приходить в гости, поехала в лифте на последний этаж.

Дверь распахнул мужчина с цветущим, каким-то детским лицом.

- Вы Михаил Каюров?

- Да, – настороженно кивнул хозяин, не приглашая меня внутрь.

- Меня зовут Даша...

- И что?

- Это на мой «Вольво» свалился муляж, который выбросила в окно ваша жена.

– Ага, – забормотал мужчина, – простите, бога ради, но она больная, не понимает, что творит. Впрочем, можете подавать в суд, только денег все равно заплатить не смогу, нет их у меня, впроголодь живем.

– Не надо ничего, – прервала я его. – В суд я не пойду, никакого возмещения требовать не стану. Наоборот, хотите, привезу к вашей жене доктора Соловцова? Он мировая величина в области психиатрии. Понимаю, конечно, что вылечить Лену нельзя, но облегчить состояние, снять агрессию...

– Нету у нас средств на профессоров, – отрезал Михаил, – в районном диспансере лечимся или мучаемся...

- Соловцов – наш приятель и ничего с вас не возьмет!

- Не надо, – отрезал Михаил, – спасибо, не нуждаемся.

- Вы не поняли, он...

- Не надо.

- Но ваша жена...

- Не надо, – бубнил мужик, тупо глядя в пол.

Я перевела взгляд на его продранные домашние тапки. Что ж, раз не хочет, то и впрямь, наверное, не надо.

Вдруг из квартиры донеслись стук и высокий, нервный голос:

– Помогите, помогите, Мишка, сволочь, дай укольчик, дай скорей, не могу, ломает, дай, гнида...

- Уходите, – бросил Михаил и, весьма грубо толкнув меня, захлопнул дверь.

Я глубоко вздохнула и вызвала лифт. Что ж, все понятно, жена Каюрова – наркоманка. Вот почему Михаил отказывается от визита к психиатру. Никакая Лена не сумасшедшая, хотя нормальной даму, употребляющую героин, тоже не назовешь. Значит, мужик запер женщину дома и пытается снять ее с иглы. Дай бог ему сил, несчастному, но я ничем не помогу в этой печальной ситуации...

...Прошло полгода, пролетело лето, проведенное на природе, наступила осень. Маня пошла в школу, Зайка и Аркадий впряглись в работу.

«Вольво» чинить я не стала. Честно говоря, эта большая машина с агрессивным дизайном мне не слишком нравилась, во всяком случае, внешне. Да и большая она слишком для женщины, весящей сорок девять килограммов. Теперь у меня другой автомобиль, маленький, юркий «фордик» ярко-синего цвета, похожий на каплю. Правда, у него только две двери, но в нашей семье, где у всех, кроме Манюни, собственные кабриолеты, объемистая тачка мне ни к чему.

28 сентября, в пятницу, Зайка влетела ко мне в спальню с воплем:

– Собирайся.

– Куда? – лениво поинтересовалась я, откладывая очередную Полякову.

– К Верещагиным.

– К кому? – удивилась я.

– К Верещагиным, – повторила Ольга, крутясь у зеркала, пытаясь оглядеть себя со всех сторон. – Тебе не кажется, что вельветовые брюки меня полнят?

Я оглядела ее стройную фигурку с тонкой, осиной талией и вздохнула. У всех есть свои фобии, у Зайки – это лишний вес. Почти каждое утро начинается у нас с ее крика:

– Все. Сажусь на диету, снова триста граммов прибавила.

У меня давно растет желание выкинуть из ванной комнаты суперточные электронные весы, которые Зайка, нежно прижимая их к тому месту, где у нормальных женщин расположен живот, приволокла из Парижа.

– Кто такие Верещагины? – попробовала я отвлечь ее внимание от собственной особы.

– Определенно начинается целлюлит, – вздохнула Ольга, – стану старой, жирной, некрасивой коровой, выгонят меня с телевидения взашей.

– А вот и нет, – влезла в разговор Машка, до сих пор сосредоточенно рывшаяся в моем шкафу, – тебя на экране выше пояса показывают, а то, на чем ты сидишь, никого не волнует, пусть хоть семьдесят пятого размера будет.

– Как семьдесят пятого? – взвилась Зайка. – У меня сорок четвертый!

– Так я про старость говорю, – бубнила Манюня, – после тридцати у всех задницу разносит!

Зайка, собирающаяся справлять в ноябре двадцатилетие, побагровела, но я, боясь, что сейчас они начнут драться, быстренько спросила:

– Так кто такие Верещагины и зачем к ним собираться?

– Галю с Лешей забыла? – удивилась Зайка. – Ну наших прежних соседей по старой квартире.

– А-а-а, – протянула я, – и что?

– А ты ничего не знаешь?

– Нет, – покачала я головой.

– Они теперь живут тут, недалеко от Ложкина, в деревне Зыбино, у них конезавод.

– Что? – искренно удивилась я. – Какой завод?

– Лошадей разводят на продажу, – пояснила Ольга и, плюхнувшись в кресло, велела: – Собирайся скорей. Нас всех пригласили на уик-энд, вместе с собаками!

– Ура, – завопила Манюня, кидаясь с ужасающим топотом к себе, – лошадки! Супер! Покататься дадут! Класс!

– Ну давай, – торопила Зайка, – Кешка уже в джипе сидит.

Я быстро покидала в сумку необходимые мелочи и, подавив тяжелый вздох, пошла к машине. Если моим домочадцам что-то взбрело в голову, спорить бесполезно. Хотя, честно говоря, не слишком-то я люблю ходить в гости, в особенности если предстоит еще и ночевка. Мало того, что я никогда не могу заснуть в чужой квартире, так еще и испытываю чувство неудобства, когда хозяева, мило улыбаясь, говорят:

– А на ночлег устроим в комнате для гостей.

Все дело в том, что вместе с богатством в нашу семью пришли и проблемы. Одна из них – постоянные визитеры, едущие к нам со всех концов необъятной России. И я сама, нацепив на лицо сладкую мину, сообщаю «оккупантам»:

– Ну что вы, какие проблемы, дом большой, места полным-полно. Велю кухарке Катерине готовить побольше, а домработнице Ирке поставить на стол лишние приборы, вот и вся забота.

Но в глубине души я костерю гостей на все корки и только мечтаю о том, когда они наконец уберутся от нас. Несмотря на два этажа, обилие комнат и санузлов, посторонние люди мне дико мешают. Утром приходится спускаться к завтраку не в халате, а одевшись по полной программе, да еще нужно постоянно улыбаться и изображать невероятную радость от общения. Не говоря уже о том, что, когда я крадусь ночью на кухню, чтобы вытащить из холодильника что-нибудь вкусненькое, грешна, люблю есть в кровати, мне совсем не нравится, когда из гостиной доносится чужой голос:

– Дашута, не спится? Давай посидим вместе, поболтаем.

Если я чего и не люблю, так это трепаться с гостями, вместо того чтобы спокойно сидеть в уютной кровати, подпихнув под спину тройку пуховых подушечек, сжимая в правой руке очередную Маринину, а в левой – кусок пиццы с грибами.

Поэтому, когда я вижу, как при моем появлении с небольшой сумкой у хозяйки начинает играть на лице широкая, невероятно счастливая улыбка и она с неподдельной надеждой восклицает: «О, Дарья, на несколько дней, надеюсь?!» – я понимаю, что больше всего она хочет услышать ответ: «Нет, моя дорогая, увы, вечером должна уехать».

И очень неприятно разочаровывать хозяев, восклицая: «Конечно, проживу недельку-другую, вместе с детьми и собаками, поговорим, пообщаемся!»

– Сколько можно собираться? – заорал Аркадий, высовываясь из джипа. – Жвачки! Я тут уже час сижу!

– Подумаешь, – фыркнула Ольга и, распахнув дверцу «Фольксвагена», подтолкнула меня к водительскому месту, – садись!

– Лучше я поеду на «Форде», – отбивалась я. – Каждый раз, когда беру твой «фолькс», что-то происходит. И потом, отчего бы нам не поехать каждому в своем автомобиле?

– В кои-то веки, – воскликнула Ольга, – выпал свободный уик-энд, и я хочу оттянуться по полной программе, выпить, расслабиться давай, не спорь, заводи и поехали!

– Лучше в «Форде», – ныла я.

– Мы туда с Машей не влезем!

– Садись к Кешке, в джип!

– Ну уж нет, – взвилась Зайка, – твой сыночек летит так, будто собрался выиграть приз на ралли в Монте-Карло, и мне всегда кажется, что сейчас мы врежемся во все столбы. Нет уж!

– Долго еще? – завопил Аркадий.

– Готовы, – ответила Зайка, – сажай собак!

– Банди, Снаппи, Хуч, сюда, – приказал хозяин.

Вообще в нашем доме живут пять псов. Питбуль Банди, ротвейлер Снап, английский мопс Хуч, пудель Черри и йоркширская терьериха Жюли. Впрочем, есть еще две кошки, несколько хомячков, попугай и жаба Эльвира. Но кошки никуда не выезжают из дома, хомячков, попугая и жабу мы прихватываем только тогда, когда собираемся в Париж, а вот собак частенько берем с собой. Но не всех. Пуделиха Черри уже довольно пожилая особа, плохо слышит и с бельмами на обоих глазах. Правда, слепота не мешает ей резво находить миску с вкусной едой и кровать с горой пледов. Но мы теперь предпочитаем оставлять ее дома. А Жюли, обладательницу роскошной золотистой шерсти, нам не дают. Дело в том, что Жюли на самом деле принадлежит Серафиме Ивановне, няне близнецов. Как-то раз Маня со своим лучшим другом Денисом отправилась на прогулку за грибами и прихватила Жюли. Естественно,

никаких грибов дети не нашли, зато привели Жюли назад в таком виде, что Серафима Ивановна, потратившая неделю на вычесывание репьев из шерсти любимицы, твердо сказала:

– Все. Жюли больше никуда не ходит, только гуляет во дворе!

Вот и сейчас няня, выйдя на крыльцо, крикнула:

– Аркадий Константинович, оставьте Хуча! Еще простудится!

– Ничего с ним не сделается, – возразил Кеша, – под слой жира, который его покрывает, ни один мороз не проберется. Эй, Снап, Банди, Хуч, вам что, письменное приглашение прислать!

Услышав, что обожаемый хозяин изволит гневаться, питбуль и ротвейлер, в два прыжка преодолев расстояние от входной двери до машины, легко взлетели в джип. Толстенький коротколапый Хучик медленно заковылял по двору. Кеша захлопнул дверцу джипа.

– Эй, эй, – закричала я, – Хуча забыл.

Сынок ответил:

– Берите его к себе!

– Почему? – удивилась я. – Собаки-то у тебя.

– Хуча тошнит в машине, – спокойно пояснил Кеша и, на второй скорости стартовав с места, исчез за поворотом. Последнее, что я увидела, – это мелькнувшие красным огнем задние фонари его тачки и две собачьи морды, прижавшиеся к стеклу. Кипя от негодования, я забубнила:

– Хучик, Хучик, иди сюда.

Мопс тяжело вздохнул и посеменил на зов, его и впрямь тошнит в машине, и Кеша решил, что пусть лучше процесс обратной перистальтики произойдет в «Фольксвагене», а не в его «Линкольне-Навигаторе».

– Ты знаешь дорогу? – поинтересовалась я у Зайки.

– Подумаешь, – пожала та плечами, – напрямик до Зыбина, а дальше спросим.

Но действительность оказалась сурова. В Зыбине, куда мы прибыли около десяти вечера, во всех избах было темно. Деревенские жители привыкли укладываться с курами, впрочем, и вставать вместе с ними, в двадцать два часа на селе глубокая ночь.

Стучать в спящие дома мы постеснялись и, приуныв, решили ехать вперед по бетонной дороге. Но не успели преодолеть и пятисот метров, как возник ларек с водкой и жвачкой, из окон которого неслась разухабистая музыка. Уж почему эта торговая точка расположилась посередине леса и кто, кроме ворон и зайцев, мог там отовариваться, осталось непонятным.

– Эй, – завопила я, – хозяин!

Высунулся всклокоченный парень:

– Чаво?

– Где тут конезавод?

– Я не справочное бюро, – ответил грубиян, отчаянно зевая.

– Дай-ка, я спрошу, – отпихнула меня Зайка, привыкшая к тому, что при виде ведущей «Мира новостей» у представителей противоположного пола начинается усиленное потоотделение. – Молодой человек, подскажите, где у вас тут лошадки живут?

Но продавец, очевидно, не смотрел никогда телевизор или не любил передачу про футбол, потому что сообщил:

– Даю сведения только покупателям.

– Чипсы «Принглс», бутылку воды и жвачку, – не растерялась Маня.

Юноша ловко отпустил товар и сменил гнев на милость:

– Конезавод в Зыбкине, ехайте туда.

– Но мы уже там были, – удивилась я, – и ничего не нашли!

– Так то Зыбино, – ухмыльнулся торговец, – Зыбкино дальше.

– Зыбино, Зыбкино, идиотство, – пыхтела Зайка.

Я не буду в деталях описывать, как мы мыкались по окрестностям, разыскивая мост, неведомое Зыбкино оказалось на другой стороне довольно широкой реки. В результате переправа нашлась, но пришлось делать крюк примерно в сорок километров. Потом Хуча стошнило, а Марусе срочно понадобилось пописать. Отойдя в лес, дочь с визгом принеслась назад, выяснилось, что, не разобравшись в темноте что к чему, Манюня села голой попой на крапиву. Да еще Аркадий без конца вздыхал и приговаривал:

– С милыми родственничками любой отдых превращается в ужас.

Где-то около полуночи, голодные, искушенные комарами (и откуда они только взялись в октябре), мы подружили к большому щиту «Конезавод «Леонида». Стоит ли упоминать о том, что отличные железные ворота были закрыты? Но Кеша быстро отыскал домофон. Послышалось попискивание, потом сонный голос пробубнил:

– Кто?

– Мы, – радостно ответил сын, – открывай, Лешка.

– Кто мы? – настаивал хозяин.

– Аркадий.

– Какой Аркадий?

Я решила вмешаться:

– Леша, это Даша Васильева с детьми, соседка твоя бывшая, помнишь? Ну, учительница французского языка, я еще твоей Кате уроки делать помогала!

Раздался щелчок, калитка приоткрылась, и появился Леша, облаченный в теплый бордовый халат. За те годы, что я его не видела, мужик не слишком изменился. Такая же сухошавая фигура и быстрые голубые глаза. Было только одно отличие. В то время, когда мы проживали дверь в дверь на одной лестничной клетке, Лешка всегда был пьян, а его несчастная жена Галя вечно сшибала у меня рубли до зарплаты. ... Сейчас же Алексей стоял совершенно трезвый, а за его спиной возвышался отличный трехэтажный дом из красного кирпича, похожий на наш, как брат-близнец. Верещагин прищурился, потом в его глазах мелькнуло легкое удивление, и он пробасил:

– Дашка? Какими судьбами? Откуда взялась?

Я растерялась, а Ольга воскликнула:

– Ну ничего себе! Сегодня утром мы встретили в магазине «Ветеринария» Галку, и она пригласила нас всех погостить, вместе с собаками!

– С собаками так с собаками, – покладисто отозвался Лешка и загремел воротами, – паркуйтесь у забора.

Чувствуя себя отвратительно, я загнала машину на указанное место.

– Галька спит, – пояснил Лешка, – уж извини, будить не стану, встаем в шесть. Устраивайтесь пока в комнатах, а с утра разберемся.

Ощущая ужасную неловкость, я прилегла на жесткую кровать и мигом заснула.

Глава 3

Утром кто-то распахнул дверь и завопил:

– Эй, собачки, гулять!

Я села и увидела Галку. Рыжие волосы торчали дыбом, лицо светилось улыбкой.

– Это ты?

– А что, так постарела, и узнать нельзя, – хихикнула Галя.

Я покачала головой. Парадоксальным образом она помолодела. Впрочем, у той Галки, которую я знала раньше, были бледная кожа, больная печень и постоянно плохое настроение женщины, понявшей, что жизнь безвозвратно уходит...

Сейчас же передо мной стояла загорелая, веселая тетка, которой дать больше тридцати было просто невозможно. Только волосы были прежними – огненно-рыжими, полыхающими, как костер.

– Уж извини, – пробормотала я, – свалились тебе на голову всем табором...

– Лешка – дурак, – констатировала Галя, хватая Хучика, – ой, какой жирненький, а ты почему гулять не идешь? Давай топай, ну! Я ему, Лешке, вчера сказала: Дарья приедет, а он и забыл! Ну а я спать легла, думала, сегодня с утра появитесь. Пошли на кухню чай пить. Может, в столовой накрывать не будем, вы же свои?

На просторной кухне подпрыгивал чайник. Галка распахнула огромный, четырехкамерный «Филипс» и принялась метать на стол еду, приговаривая:

– Творог деревенский, у вас такого нет, сметанки побольше налей...

– Как твоя печень? – не выдержала я, глядя, как бывшая соседка столовой ложкой наворачивает упругую нежно-желтую сметану. – Небось жирность у этого деликатеса 100%.

– Что? – переспросила Галка с набитым ртом.

– Печень!

– Да я про нее забыла, – засмеялась Верещагина, – честно говорю, и не помню, где находится, справа или слева! Ешь, ешь, от хороших продуктов плохо не станет!

Я послушно положила на тарелку доверху нежный, тающий на языке творог и бесцеремонно ляпнула:

– Слушай, а откуда у вас это все? Дом, конезавод...

Галка расхохоталась и вытащила «Вог».

– Будешь, под кофеек?

– Ты куришь?! А аллергия? Да стоило мне в прежние годы вытащить пачку, как у тебя коклюш начинался!

Галина глянула на меня и серьезно сказала:

– Мы теперь другие. Считай, те Верещагины умерли.

– Но...

– Помнишь, как мы жили? – перебила Галя.

Я осторожно протянула:

– Ну...

– Ладно, не деликатничай, – отмахнулась она, – сама скажу. Лешка, ирод, пил, прямо водкопровод какой-то был, со всех работ погнажи, жуть. Лежал весь день на диване да ханку жрал, урод. И ведь чего только я не делала, похмельщика вызывала, в наркологию клала, все по фигу. Ребенок заикаться начал. А тут еще ты съехала, совсем кранты пришли. В подъезде одни жабы живут, денег в долг никто, кроме тебя, не давал, на работе просить стыдно, а этот, живой труп, бутылки требует, драться начал! Словом, не жизнь, а Рио-де-Жанейро, чистый бразильский карнавал, с песней и пляской. И деть его некуда, «хрущобу» нашу, сама знаешь,

разменять без шансов. Не поверишь, я руки на себя наложить хотела, только на Катьку гляну и останавливаюсь: ну кому мой ребенок нужен?

– Где твоя дочь?

– В Англии, – выпуская дым, сообщила Галка, – в Королевских конюшнях, она у меня ветеринар, по лошадям специализируется, а муж ее англичанин, только не умри со смеху, лорд. Правда, не слишком богатый, но оно, может, и к лучшему, нам своих денег хватает. Отличный такой парень, рыжий, как я и Катька. Представляешь, какие дети пойдут!

Я только хлопала глазами.

– Словом, жизнь моя была беспросветная, – со вкусом прихлебывая кофе, пустилась в воспоминания Галка, – а тут новая напасть. Узнала я случаем, что пятиэтажку нашу сносить собрались, а всех жителей отселять в какой-то район, уж и не помню, как называется, где-то на полпути к Киеву... И так мне кисло стало, что по-быстрому, пока не разнесся слух об отселении, я продала свою халупу и купила домик в деревне.

Рассуждала Галка просто. Муж все равно пьет, вылечить его нельзя. Но в крохотной «двушке», где поперек комнаты храпит пьяное тело, жизни нет никому, а на селе простор. Выкатила супруга в огород – и пусть себе валяется, авось тапки отбросит.

Вот так они и оказались в Зыбкине. А в придачу к дому получили сарай и лошадь Женю. Вот с этой Жени все и началось.

У горького пьяницы Алексея было одно положительное качество – любовь к животным. Я хорошо помню, как он постоянно целовал свою жуткую кошку, названную невесть почему Семирамидой. Оказалось, что всю жизнь Лешка мечтал иметь лошадь, и, когда ему перепала больная, старая и полуслепая Женья, Алексей кинулся рьяно ее выхаживать. Бедная кобыла, не привыкшая к заботе, разболелась совсем, и Лешка извелся, просиживая возле кашляющего животного день и ночь. Он даже накопил пособий по ветеринарии. Словом, когда через месяц окрепшая Женья вышла на луг, Верещагин с удивлением понял, что он целый месяц не пил, а главное, и не хочет пить!

Потом, ни на что не надеясь, Лешка дал объявление в газету: «Отличная конюшня для вашей лошади». И неожиданно получил двух рысаков. Хозяин элитных лошадей только хмыкнул, оглядев сарай, и собрался уехать со своими любимцами, но Лешка встал на колени, упрашивая мужика доверить ему животных. Вот так и завертелось их дело, дающее теперь не только отличный, стабильный доход, но и огромную радость.

И Галка, и Лешка закончили заочно Ветеринарную академию. Сейчас у них огромные конюшни, обслуживающий персонал: конюхи, тренеры, кузнец. Лешка не пьет совершенно.

– Да и когда ему нажираться? – объясняла Галка. – Встаем в шесть и пашем, присесть некогда. Знаешь, у него талант, с любой лошастью договорится...

Я только моргала. Бывает же такое! Не замечая произведенного впечатления, Галка тарыхтела дальше:

– Значит, так, сейчас пойдем лошадок посмотреть, потом клиент явится, затем пообедаем, ну, двигайся. – Она вытолкала меня во двор и, махнув рукой вдаль, крикнула: – Вон там выгон, а здесь денники.

Я перевела взгляд и увидела, что к нам во весь опор несутся две громадные собаки ровного черного цвета.

– Это твои? Как зовут?

– Это твои, – хмыкнула Галка, – вымазались в навозе, как свиньи, и довольны!

Два тела, состоящие из одних тугих мышц, подбежали вплотную, и я узнала Бандюшу и Снапушу, покрытых ровным слоем лошадиных фекалий. Выражая полный восторг от встречи, собаки хотели броситься мне на шею, но я отскочила с воплем в сторону.

– Вася! – кликнула Галка.

Из конюшни выглянул молодой парень в голубом комбинезоне.

– Вымой псов.

– Эй, – крикнул конюх, вытаскивая шланг, – пожалуйста купаться!

Заслышав знакомый глагол, Банди, обожающий воду, кинулся к шлангу и принялся радостно поскуливать. Снап же мгновенно бросился в дом, откуда слышались крики Зайки.

Поднялась суматоха. Сначала купали Банди, потом ловили всем миром Снапа, затем осуществили экскурсию по конезаводу и около часа дня сели за стол. Но не успел Лешка разрезать сочную, исходившую жиром утку, как закричал домофон.

– Кто там? – спросила Галка.

– Каюровы, – донеслось с улицы.

Фамилия отчего-то показалась мне знакомой. Но, порывшись в памяти, я не вспомнила никого с такой фамилией. Однако когда худощавый мужчина с румяным, детским лицом вошел в столовую, я мигом сообразила, отчего я знаю его фамилию. На пороге стоял Михаил, тот самый, чья жена Лена, то ли наркоманка, то ли алкоголичка, сбросила на капот моего «Вольво» тряпичного «мужчину».

– Добрый день, – приветливо сказал Михаил.

Сейчас он совершенно не был похож на убогого, бедного, считающего медные копейки мужика. В тот единственный раз, когда я его видела, на Каюрове красовались продранные домашние тапки, вытянутые на коленях нитяные тренировочные брюки, именуемые в народе «трико», и бесформенная футболка, заляпанная краской. Сегодня же на нем были джинсы, да не какие-нибудь, а штучные «Ли», яркий, темно-синий пуловер, из-под которого выглядывал воротник светлой рубашки. Карманчик пуловера украшал скромный ярлычок «Марко Поло». По самым скромным подсчетам, свитерочек стоил около трехсот долларов, а ботинки же высокие, на толстой подметке, явно тянули на все пятьсот... Стоило ему переступить порог, как в воздухе разлился запах «Кензо», вернее, его последнего мужского аромата «Одицы мир», дорогой парфюм, слегка вызывающий, так пахнет богатство...

– Леночка, – воскликнула Галка, – а я уже думала, что вы не приедете, Лорд-то скучает, ждет тебя.

Вошедшая следом за Михаилом худенькая темноволосая дама, тоже в джинсах и пуловере, хриплым низким голосом сказала:

– Колесо прокололи, а мы сегодня без шофера, Миша сам за рулем...

– Бывает, – хмыкнул Лешка, – давайте садитесь и знакомьтесь.

Началось пожимание рук, и все зацвели улыбками. Михаил скользнул по мне взглядом и не узнал. Я же пребывала в глубочайшем удивлении. Лена? Но ведь она была совершенно социально не адаптирована, сидела в запертой комнате, несчастная безумная идиотка или наркоманка, потерявшая всякий человеческий облик... Может, это не она? И откуда взялось богатство? А оно просто било в глаза. Уши, пальцы и шея женщины переливались и блестели, у Михаила на запястье красовались часы «Филипп Патек». Сев к столу, гости небрежно швырнули на диван кожаные сумочки, она дамский ридикюльчик, он – барсетку, туда же полетели и сотовые телефоны. А когда подали кофе, Лена вытащила золотую зажигалку от Картье. У меня у самой есть похожая, и я великолепно знаю, что Лена заплатила за безделушку сумму, сравнимую с годовым бюджетом Албании...

Вообще богатый человек узнается по мелочам. Костюм, даже пальто, шляпа могут быть простыми... Но обувь, кошелек, зонт, сумка, перчатки, зажигалка и портсигар всегда окажутся первосортными. Если человек, назвавшийся преуспевающим бизнесменом и сидящий перед вами в костюме от Хуго Босс, достанет из кармана обычный «Ронсон», а часы у него окажутся электронной «Сейкой», немедленно насторожитесь. Ваш гость врет. По-настоящему обеспеченный мужик поступит иначе. Нацепит неприметный, но безукоризненно отглаженный прикид, и возьмет золотое или платиновое «огниво». Так откуда деньги у Каюрова? Хотя, если

вспомнить метаморфозы, происшедшие с Верещагиными, то ничего удивительного. Может, он тоже успешно занялся бизнесом, вылечил жену...

После обеда гостей отвели к конюшням. Там уже ждали оседланные лошади и пони, приготовленный для Мани. Не успела я ахнуть, как Кеша и Зайка схватили поводья и исчезли, Маруська, покрикивая на толстозадого пони, потрусила за ними.

Такое поведение домашних неудивительно, в Париже у нас есть лошади, и все мои дети довольно ловко управляют с ними, все, но только не я. Честно говоря, я не сидела на коне ни разу и надеялась никогда этого не делать. Нет, я люблю животных, но вот скакунов слегка побаиваюсь... Но не падать же в грязь лицом перед всеми. Тем более что кобыла, предназначенная мне, выглядела вполне мирно. Пришлось, сопя от напряжения, влезать в седло.

Кое-как уютившись в довольно жестком кожаном седле, я погладила лошадку по голове и сказала:

– Ну, давай, иди вперед.

Животное повернуло длинную морду с большими карими глазами, оглядело меня и шумно вздохнуло. Может, лошади любят деликатное обращение?

– Дорогая, пожалуйста!

Кобыла стояла как вкопанная, и тут появился конюх.

– Хорошая лошадь, – кивнул он, – спокойная, а уж умная, сто очков собаке даст! Чего не скажете?

– Простите, как ее завести?

Парень рассмеялся:

– Просто. Сожмите коленями бока, вперед пойдет, натяните поводья, встанет.

Я обняла лошадь коленками. Внезапно сиденье подо мной заколыхалось, и кобыла тихонечко пошлепала вперед.

– Только галопом не пускайте! – крикнул конюх.

Я медленно двигалась по дорожке к лесу. Эх, забыла спросить, а как она поворачивает, руля-то нет.

Пошатавшись по лесу, я очень устала, когда увидела у одной из елей двух привязанных коней. Как хорошо, сейчас слезу и узнаю, как развернуть своего «Буцефала» назад. Натянув поводья, я крикнула:

– Тпру! Стой!

Лошадь прошла еще метров двести, замерла и мигом принялась выискивать что-то между корнями деревьев. Кое-как я сползла с седла и, чувствуя, как между ногами что-то мешает, пошла вниз, к оврагу, откуда доносились два голоса: мужской и женский.

Раздвинув кусты, я хотела уже с веселой миной выйти на полянку, но, глянув на залитую холодным октябрьским солнцем лужайку, мигом прикусила язык. Мише и Лене было явно не до посторонних.

Перед прогулкой супруги переоделись и сейчас были чрезвычайно похожи: оба в бриджах, коротеньких курточках и жокейских шапочках. Лена держала в руках хлыст, Миша стек. Даже сапожки у них были идентичны: красные, блестящие, наверно, лаковые. Муж с женой смотрелись очень красиво на фоне увядающего осеннего леса, словно яркие, экзотические птицы, севшие на лужайку. Но то, что вырывалось из их ртов, было ужасно.

Глава 4

– Имей в виду, – почти кричала Лена, – я теперь знаю все! Больше тебе не удастся обманывать, подонок, альфонс, негодяй! Да, теперь я понимаю, какого дурака сваяла!

Я удивилась, как злоба меняет человека. Какой-то час назад Лена выглядела симпатичной, молодой, вернее, моложавой дамой, довольной собой и окружающими. Теперь же на поляне бесновалась тетка с нездорово-бледным цветом лица и растрепанной прической. Негативные эмоции не красят, милая Леночка разом растеряла элегантность и респектабельность.

– Сволочь, ну, погоди, – налетала она на Михаила.

Тот весьма раздраженно ответил:

– Прекрати, дорогая, что за базар? Возьми себя в руки, и давай продолжим прогулку! Не знаю, кто тебе наболтал глупостей, но...

– Рита Назарова, – спокойно сообщила Лена, – Ритусенька, твоя ненаглядная Маргариточка!

На лице Михаила промелькнуло плохо скрытое беспокойство, но он нашел в себе силы засмеяться.

– Господи, родная, да у Ритки климакс в мозгах, и потом, ну зачем мне эта старая калоша, когда рядом такая красавица, как ты!

– Нет уж, – взвизгнула Лена, – больше ты меня не обманешь. Говорю же, я все знаю. У Ритки денег немерено, вот и все объяснение ее популярности. И потом...

– Ну, милая, – забормотал Миша, – не нервничай так.

Лена недовольно рассмеялась.

– Только без ля-ля, чего задержался, а? Нет, помни, ты у меня в руках и теперь будешь унижаться передо мной, как я раньше перед тобой. И знай, завтра с утра я еду к нотариусу и сделаю новое завещание, понял, хмырюга! Ишь чего придумал, меня надуть.

– Леночка, – спокойно ответил Миша, – возьми себя в руки, пойдем, дам тебе рудотель, в машине лежит. Выпьешь, успокоишься, тогда и поговорим. Ну кому ты можешь завещать деньги? К чему эти мысли? Ты молода, проживешь еще много лет... И ведь мы уже все обсудили, договорились!

– Если я не буду брать из твоих рук никакие лекарства, то точно столетний юбилей отмечу, – прошипела Лена, – а насчет завещания не волнуйся. Отпишу деньги первому встречному. Вернее, нет, вот сейчас вернусь к ужину и первый, кто ко мне обратится, и получит состояние!

– Дура, – бросил Михаил, очевидно, у мужика наконец лопнуло терпение, – идиотка, только попробуй и...

– Что и? – неожиданно усмехнулась Лена. – Что будет-то?

Выплюнув последнюю фразу, госпожа Каюрова взмахнула хлыстом и попыталась ударить мужа. Михаил успел увернуться, но тонкий ремень все же задел край его лица, кожа мигом лопнула, и из тонкого пореза быстро-быстро потекла струйка яркой крови.

– Так тебе и надо, – припечатала Лена, – теперь сама буду музыку заказывать!

Быстро повернувшись, она двинулась в сторону большой ели. Пригнувшись, я скользнула ужом в кустарник. Знаю, какую неловкость испытывают люди, когда понимают, что чьи-то жадные глаза и уши были свидетелями их семейной сцены. Лена пролетела в нескольких сантиметрах от меня, дернула Лорда за кожаные ремешки, свисавшие под мордой коня, ловко вскочила в седло и умчалась. Следом выбрался Михаил, похлопал свою лошадь по крупу и, промокая белейшим носовым платком довольно длинную рану, громко и злобно сказал:

– Ну блядь! Ну сука!

Лошадь тревожно заржала. Миша погладил ее между ушами:

– Спокойно, это не про тебя.

В тот же момент раздалось ответное ржание – это кобыла, на которой «приковыляла» я, привязанная за полосой высокого кустарника, отвечала своей подруге.

– Давай, – взлетел Миша в седло, – домой! Только идиотов мне тут не хватает!

Когда мягкий стук копыт замер вдали, я вылезла из кустарника и с наслаждением распрямила ноющую спину. Хорошо, что моя лошадь была привязана за кустами. Ни Лена, ни Миша не заметили ее, впрочем, оба супруга находились в таком взвинченном состоянии, что скорей всего не увидели бы кобылу, даже если б она оказалась прямо у них под носом. Однако какая неприятная сцена развернулась тут только что! Жизнь научила меня, что даже у самых ближайших приятелей не следует интересоваться чистотой их белья и уж совсем не нужно выведывать тайны, можно ненароком такое узнать!

Я подошла к «Буцефалу» и, ухватив, как Лена, за кожаные ремешки под подбородком, потянула кобылу. Та покорно пошла. Развернув ее лицом к конюшням, я кое-как вскарабкалась на нее и, сжав коленями гладкие, упругие бока, велела:

– Ну, хорошая, иди домой!

Умное животное тихонько побрело назад. Я мерно покачивалась в седле. Езда успокаивала, и, уже подходя к знакомому забору, я подумала: «Скорей всего Лена просто приревновала Мишу к даме по имени Маргарита Назарова».

Чай подали в шесть. Я успела как раз в тот момент, когда улыбающаяся Галка водрузила на стол блюдо с блинами:

– Налетайте! Только испекла!

– Ты сама готовишь? – удивилась я.

– Нет, держу домработницу, но блинчики – это святое, – пояснила Верещагина, – Лешка только мои ест!

Блины и впрямь удались. Легкие, прозрачные, ажурные, похожие на крохотные оренбургские платки. Таких двадцать штук слопаешь и не заметишь. Маруся, Зайка и Кеша быстро расхватили угощение. Лена, спокойная, улыбающаяся, отказалась:

– Мне лучше просто чай.

– Что так? – спросила Галя.

– Да панкреатит замучил, – пояснила она, – желудок болит, и фигуру беречь надо!

Зайка тяжело вздохнула.

– Мне тоже, но удержаться я не могу.

– А я за талию не боюсь, – радостно воскликнула Маня, пододвигая к себе тарелку, где горой высились ароматные блины.

– Тебе и не надо, – ласково сказал Кеша.

– Почему? – насторожилась сестра.

– Нельзя лишиться того, чего нет, талии, например. И потом, какая разница, какой у тебя объем самого узкого места на теле – сто два или сто три сантиметра!

– Ах ты... – начала Манюня.

Зная, что сейчас она закончит фразу словами «глиста в скафандре», я мигом пнула дочь ногой под столом и постаралась перевести разговор на иную тему:

– Галка, можно дать Банди блинчик?

– А он станет их есть? – изумилась хозяйка.

Питбуль замел по ковру длинным тонким хвостом и жалобно заскулил. Наш клыкастый Бандюша обожает все продукты, но блинчики вне конкуренции. С превеликим удовольствием пит сожрал бы все три блюда с блинами, но ему достался только один кусочек.

– Где Миша? – спросил Лешка, незаметно подсовывая Банди еще один блинок.

– Отдохнуть решил, – совершенно спокойно ответила Лена.

Но тут дверь распахнулась и вошел Каюров. Он вновь надел джинсы и пуловер, правда, другой, бордово-вишневого оттенка, а щеку мужика украшал пластырь телесного цвета.

– Что случилось? – спросила Галка, показывая на наклейку.

– Веткой поцарапался, – улыбнулся Миша и сказал: – Ленуся, тебе нельзя блинчики, да и кофе, пожалуй, тоже.

– Я приняла фестал, милый, – нежно проворковала Лена, – а от блинов удержалась.

– Молодец, – похвалил Миша, – плесни мне чайку, а запах какой, вы, Галочка, изумительно печете.

– Вы еще ее компоты не пробовали, – засмеялся Лешка, – фирма! Живой витамин. И вообще, у меня не жена, а клад! Умница, красавица, хозяйка, за что мне такое сокровище досталось?

И он ущипнул Галку за бок. Та отмахнулась полотенцем.

– Ешь лучше, комплиментчик.

Я тихонько наблюдала за ними. Вовсе это неправда, что богатство портит человека. Нет, большие деньги делают людей свободными, добрыми и щедрыми. Просто в коммунистические времена материальное благополучие не поощрялось, вот и придумали расхожую истину: богач злобен и неприятен. А на самом деле нет никого злее, чем бедняк, вынужденный каждый день сражаться за кусок хлеба. Как ему быть добрым, если на лавках сидят голодные дети, а у пустой кастрюли стоит в истерике жена. А уж как нищета портит женский характер! Невозможность покупки лишней пары колготок или тюбика крема может довести до нервного срыва. В материально неблагополучных семьях часто вспыхивают скандалы... Вот раньше Лешка Галку иначе, как «бензопила «Дружба», не называл, а она величала его «урод» или «ирод», в зависимости от настроения. И еще, Верещагин никогда не хвалил жену, используя любую возможность, чтобы унижить ее и показать, кто в доме хозяин. Впрочем, Галка попрекала его куском хлеба и, помнится, навесила на холодильник замок... Теперь же у них совет да любовь. Да, не зря попугай капитана Флинта беспрестанно кричал: «Пиастры, пиастры». Хотя смотря что считать богатством. Одному тысяча рублей кажется состоянием, другому и миллиона мало...

– Дашка, – тронула меня за плечо Галка, – еще чаю?

Я выпала из дум и увидела, что за столом нет никого, кроме меня.

– А где все?

– Твои пошли на котят смотреть, – пояснила хозяйка, – у нас разом две кошки с приплодом. Лешка конюхам перцу на хвост сыплет, недоглядели за Маркизой, у нее воспаление копыта началось. Лена, по-моему, пошла Лорда сахаром угостить.

– Лошади любят сладкое?

– Как дети, – улыбнулась Галя, – и потом, они ценят ласку, им приятно, когда человек внимание проявляет и угощение приносит. Не поверишь, сколько раз я замечала: похвалишь одного коня, погладишь, а другой завидует.

– Можно угостить лошадку, на которой я каталась днем?

– Каролину? Конечно. Только возьми ей лучше кусок «Бородинского» хлеба и посыпь солью, она у нас такой бутерброд обожает.

Я приготовила лакомство и двинулась к конюшням. Банди и Снап, набегавшись весь день по конезаводу, остались спать в гостиной на мягком ковре. За мной увязался только Хучик. Сначала песик бодро трусил по асфальтовой дорожке, но, когда перед конюшней она сменилась на тропинку с гравийным покрытием, мопс сел на зад. Мелкие камушки, очевидно, доставляли боль его нежным лапкам. Я подхватила Хуча под мышку.

– Ну, дорогой, и бока же ты отъел! Сидел бы уж дома, зачем за мной пошел?

Хучик только сосредоточенно сопел. Под гладкой шерсткой и толстым слоем жирка бьется храброе сердце. Очевидно, мопс решил, что в незнакомом месте, да еще среди диких животных хозяйке потребуется охрана.

Войдя в конюшню, я опустила Хуча на утрамбованный пол и пошла вдоль ряда денников. Над дощатыми воротцами виднелись сверху головы, а снизу лошадиные ноги. Каждую «квартиру» украшала табличка с именем животного и фамилией хозяина. Я прошла мимо Ральфа, принадлежащего Михаилу, потом увидела Лорда Лены, а рядом с его стойлом было другое, на котором значилось: «Каролина, собственность Галины Верещагиной».

– Каролиночка, – позвала я, открывая дверки.

Лошадь шумно вздохнула. Я протянула ей бутерброд. Нежные шелковые губы осторожно взяли с ладони угощение, широкие, коричневые ноздри вздрогнули. Прожевав, Каролина коротко всхрапнула и положила голову мне на плечо, она явно говорила «спасибо». Я обратила внимание, как аккуратно Каролина переступила тонкими мускулистыми ногами, боясь задеть вертящегося под копытами Хуча. Никогда до этого я не имела дела с лошадьми. Скакуны Ольги и Аркадия, вместе с Машкиным пони, стоят в конюшне у Жана Вильруа, и я туда никогда не езжу. Но сейчас первый раз пожалела об этом. Интересно, это только у Верещагиных такие милые, деликатные лошадки или они все столь приветливы?

Внезапно послышался глухой удар. Я вздрогнула. В соседнем деннике нервничал Лорд. У него была красивая морда, по бокам носа виднелось два белых пятна, словно очки. Вспомнив Галкин рассказ о лошадиной ревности, я вытащила из кармана несколько кусков рафинада и протянула жеребцу:

– Не расстраивайся так, съешь.

Но Лорд отвернул морду от заманчивого сахара. Он нервно дергал головой и вдруг громко заржал. В звуке, вылетевшем из его горла, была настоящая боль, даже мука, так кричат люди от невыносимых страданий. Я испугалась:

– Что с тобой? Заболел?

Из-под коричневого века выползла слеза и скатилась по морде. Лорд плакал. Я еще не успела среагировать, как Хуч завыл и кинулся в денник к жеребцу. Толстенькое тельце мопса шмыгнуло в пространство между воротцами и полом. Через секунду послышался отчаянный визг. Испугавшись окончательно, я распахнула дверки и заорала.

В самом углу довольно узкого помещения, на соломе, устилавшей пол, словно гигантская запятая, лежала Лена. Ноги ее были согнуты в коленях и подтянуты к подбородку, нежно-розовый свитер стал местами темно-бордовым, лицо... Нет, лица не было. Красиво подстриженные волосы окаймляли разверстую рану, в которой виднелось что-то серовато-желтое, тошнотворное и ужасное. Возле тела метался с визгом Хуч, а Лорд, поджимая правую заднюю ногу, копыто которой было перемазано кровью, нервно дрожал.

– Хучик, – севшим голосом позвала я, – Хучик, немедленно сюда!

Нужно было пройти внутрь и подхватить обезумевшую от ужаса собачку. Но ноги отчего-то стали каменно-тяжелыми, а тело неповоротливым. Ни за какие сокровища мира я не сумела бы сделать несколько шагов, отделявших меня от тела несчастной.

– Хучик, ко мне!

Мопс упал на живот и, поскуливая, пополз к выходу. Я ухватила его за бока и быстрее молнии понеслась в дом, оглашая окрестности криком.

Не успела я ворваться в просторный холл, как из гостиной вылетела Маня.

– Мама! Ой, Хучик! Он разбил голову...

Я перевела взгляд на окровавленную мордочку мопсика и, падая на диван, прошептала:

– Нет, это кровь Лены. Лорд ударил хозяйку в лицо копытом.

Дальнейшее почти не помнится. Сначала все кинулись в конюшню. Потом Зайка влетела назад и влила в меня стакан коньяка. Но отчего-то алкоголь не подействовал, я только оглохла и как-то отупела, глядя на мечущихся людей. Откуда ни возьмись появился врач, следом группа мужчин в штатском принялась заполнять бумаги. И тут, очевидно, сказалось действие на меня

«Мартеля». На все вопросы оперативника я только нечленораздельно мычала, пока Аркадий не тронул милиционера за локоть.

– Я адвокат, вот визитная карточка. Видите, у матери шок, лучше приезжайте завтра в Ложкино, или она сама к вам в отделение явится. Полковника Дегтярева знаете?

Ответ сотрудника МВД оказался за кадром. Потому что я, подпихнув под голову вместо подушки Хуча, мигом заснула. Впрочем, это неудивительно, алкоголь вызывает у меня лишь одну реакцию – глубокий, беспробудный сон.

Обратной дороги я не помню. Смутно виделась Зайка, сажающаяся за руль «Фольксвагена» и высыпаящая в рот целую пачку «Стиморола», того, с голубыми кристаллами. Вроде меня вместе с мопсом уложили на заднее сиденье, и, кажется, Хуча стошнило прямо на хозяйку, потому что наша домработница Ирка, распахнув дверцу, закричала:

– Ой, мамочка, Дарья Ивановна, на кого вы похожи!

Я на секунду открыла глаза и ответила:

– Незачем так орать! Ты что, заблеванных людей не видала?

Ирка заткнулась, и меня повели в дом. Дальше память отказывает. Кажется, нас с Хучем мыли, сунув вместе в ванну.

Глава 5

Утро принесло головную боль. Когда я, охая и хватаясь за виски, вползла в столовую, слабенкое октябрьское солнце лениво освещало комнату. Налив себе крепкого чая, я поинтересовалась у Ирки:

– Где все?

– Аркадий Константинович уехал на работу.

– Он же собирался провести выходные дома!

Ирка пожала плечами.

– Ничего не знаю, позвонил какой-то мужик, а Аркадий Константинович схватил машину – и привет!

– А Зайка?

– Ольга уехала в студию!

– Она же хотела два дня отдохнуть.

Ирка хмыкнула:

– На ее телевидении вечно дурдом. Еще в восемь утра улетела, ворота чуть не сшибла, хорошо, машину не помяла...

Домработница продолжала недовольно бубнить. Я опустошила чашку и налила следующую. Наша прислуга, если не считать няню, состоит из трех человек. В саду и гараже хозяйничает Иван, он же следит за отоплением, электричеством, водопроводом и выполняет мелкие ремонтные работы типа устранения засоров канализации... Впрочем, он способен починить телевизор или утюг... В дом Ваня ходит редко, предпочитая проводить время в сторожке. На кухне хозяйничает Катерина. Женщина шумная, языкая и ехидная. Я ее побаиваюсь. «Пищеблок» повариха считает своей вотчиной и крайне нервно реагирует, если Зайке приходит в голову идея испечь кекс. Впрочем, готовит Катерина восхитительно, а ее любовь к чистоте перешла в манию. Ей-богу, она бы с удовольствием выдавала всем, пересекающим порог кухни, белые халаты и бахилы. Единственная женщина, которой позволено открывать крышки кастрюль и бесцеременно обнюхивать готовящиеся кушанья, – это моя подруга Оксана, хирург по профессии, завоевавшая любовь кухарки после того, как удалила той щитовидную железу. И только от Оксаны Катерина терпит замечания типа: «Соли мало».

Если подобный совет попробую дать я, меня просто вытолкают взащей с громким заявлением: «Коли по-вашему стотовлю, отравя получится».

Стиркой, уборкой, глажкой, сменой постельного белья, равно как и покупкой продуктов, занимается Ирка. И вот ведь парадокс. Капризный Аркадий, стабильно отказывающийся от всех кушаний и требующий, чтобы ему с курицы всегда снимали кожу, а из какао удаляли пенку, ходит у Катерины в любимчиках. Для него готовятся несъедобные, на мой взгляд, блюда: манный пудинг и протертый суп из зеленого горошка. Причем, если еда остается нетронутой, у Катерины на лице возникает тревога, и она потихоньку тащит угощение в кабинет или спальню к любимому хозяину и воркует:

– Аркадий Константинович, миленький, хоть ложечку проглотите! Вот крем из чернослива, только для вас старалась.

Никто из нас более не устаивается такой заботы, и я могу целую неделю выпрашивать эклеры, получая в ответ категоричный ответ:

– Вам лучше их не есть, печень взбесится.

К слову сказать, с печенью у меня полный порядок, просто Кешка не любит пирожные.

Ирка тоже расцветает улыбкой при виде Кеши и буквально вылизывает его кабинет. Она ухитряется, протирая письменный стол, класть все документы, бумаги и бумажонки нашего

адвоката в таком же порядке, вернее, беспорядке, в котором они находились до того, как домработница вкатила в помещение пылесос.

В моей комнате она не церемонится и, недолго сомневаясь, укладывает все ровными стопками, и я, скрипя зубами, отыскиваю нужные вещи часами. Между прочим, Ольгу никто из прислуги не величает по отчеству, а на меня они посматривают снисходительно, считая абсолютно бесполезной личностью.

Если выстроить иерархическую лестницу, то на самом верху, безусловно, окажутся Аркадий и Машка, затем пойдут наши собаки, кошки, хомячки, попугай и жаба. Прислуга обожает животных. Затем – место Ольги, и только потом с сильным отрывом иду я. Лишь один человек в доме, няня близнецов Серафима Ивановна, считает меня за хозяйку и прислушивается к моим указаниям. Все остальные искренне считают, что мое место в гостиной, в углу, в кресле, с книгой в руках, желательно с плотно закрытым ртом.

– Машенька завтракала?

– Маша ушла к Сыромятниковым, – пояснила Ирка, – у них кот заболел, Клаус.

– Значит, дома никого?

– Нет, – буркнула она, унося грязную посуду.

Вот и отлично, сейчас налью ванну, лягу в воду и... Во дворе раздался шум мотора, потом короткий звонок, затем Ирка, просунув голову в комнату, оповестила:

– Гостья приехала, впускать?

– Ты же, наверное, уже сказала, что хозяйка дома? – безнадежно спросила я, чувствуя, как перспектива принять водные процедуры быстро тает.

– Ага, – подтвердила Ира.

Дверь распахнулась, и вошла Галка Верещагина. Сегодня на ней был строгий серый костюм и нежно-розовая блузка, совсем не сочетавшаяся с ярко-рыжими волосами.

– Привет! – улыбнулась бывшая соседка и, окинув взглядом мой халат, спросила: – Надеюсь, не разбудила?

– Нет, нет, просто я шляюсь по дому чучелом. Впрочем, Ира, дайте кофе, Галя, ты выпей пока, а я оденусь.

– Мне плевать, как ты одета, – фыркнула Галка, – в былые времена ты не слишком нас стеснялась.

Это правда, мы забегали друг к другу запросто, без церемоний, частенько в неглиже. Но прошло слишком много времени со дня нашей последней встречи, я уехала с детьми из Медведкова восемь лет назад, еще будучи бедной преподавательницей. Просто Аркашка женился на Зайке, а у той было собственное жилье. Мы и объединились, выменяв себе более просторную квартиру...

Поэтому сейчас, оставив Галку одну, я сгоняла наверх и быстренько натянула бриджи и пуловер.

– Как дела? – вежливо поинтересовалась я, вбегая в гостиную.

– Словно сажа бела, – хмыкнула Галя, – дом и двор полны милиции.

– Что говорят?

Галка одним махом опустошила чашку.

– Глупости в основном. Произошел несчастный случай. Якобы Лена за ужином водки под блины выпила и в конюшню отправилась, а Лорд нюхнул алкогольное амбре, обозлился, сшиб бабу, а потом копытом по голове...

– Ужасно, – прошептала я, – бедная Лена, жуткая смерть, да и Лорд выглядел таким милым, что теперь с ним будет?

Галя побагровела и сломала пальцами зубочистку.

– Вчера, после того как вы уехали, мы спать пошли, Михаил вроде нормальный был. А утром встаем, его нет, идем на конюшню, и Лорд исчез. Конюх говорит, часа в два Каюров

вошел и забрал коня, покатайся решил, от бессонницы... Васька и вывел жеребца... А в пять Михаил возвращается, один, пешком.

Василий удивился:

«Где Лорд?»

Каюров спокойно ответил:

«Пристрелил».

Василий обомлел:

«Как?»

«Просто, – объяснил мужик, – сунул пистолет в ухо и привет».

«А тело где?» – заикался конюх.

«По мобильному «Скорую ветеринарную» вызвал, – отрезал Михаил, – увезли Лорда!»

«Господи, – вздыхал Вася, – да зачем? Такой конь! Красавец, умница...»

«Он убил мою жену, – рявкнул Михаил, – я его и казнил, незачем убийце жить!»

Растерянный Васька не нашелся что ответить, а Каюров влез в свой «Мерседес» и был таков...

– Вот беда, – пролепетала я.

– Это еще не катастрофа, – вздохнула Галя, – несчастья впереди. Ровно в девять утра позвонил Шабалкин, знаешь такого?

– Депутат?

– Точно, он у нас трех жеребцов держит. Спросил, правда ли, что на конюшне вверенный нам жеребец убил женщину, и велел готовить своих коней к отправке. Через полчаса точно с таким же разговором заявили Колосов, певец, и Ангелина Конт, журналистка с телевидения. Одним словом, сейчас у нас осталось вместо двадцати пяти только семь лошадей, это из тех, что на постое были, да и то, думаю, завтра-послезавтра заберут и последних.

– Почему?

– Потому, – довольно сердито отозвалась Галка, – наши клиенты люди богатые, чиновные, с фанаберией. Знаешь, отчего у Лешки дела так хорошо пошли?

– Ну?

– В моду случайно вошел. Понимаешь, такое в бизнесе случается. То тусовка в один ресторан ходит, то волосы у одного мастера стрижет. Ну принято в тусовке так! Вот и мы с Лешкой в моду вошли, знаешь, какие люди у нас в клиентах? Только бизнес – штука капризная, порой совсем непредсказуемая... Помнишь, стилист такой был, Леонов?

Я кивнула:

– Конечно, он жуткие деньги за прическу брал, да у него стрижка лысого мужика двести баксов стоила! Мы туда не ходили, у меня мастер есть – Наташа, лет пятнадцать к ней бегаю!

– Ну, во-первых, у тебя стричь особо и нечего, – хмыкнула Галка, разглядывая мою голову, – а во-вторых, ты не тусовщица, вот и не делаешь проблему из ерунды! А наши клиенты могут себе позволить ходить к любимому мастеру, только в модный салон, даже если там выкрасят волосы в зеленый цвет и выщиплют брови. А знаешь, почему Леонов разорился и исчез из Москвы?

– Нет, честно говоря, не интересовалась.

– Одна из его мастериц, пардон, стилисток, закрутила роман с постоянным клиентом. Естественно, тайком. А жена узнала да и подала на развод, а на суде так отполоскала Леонова и девчонку, что желтая пресса месяц рыдала от восторга. Потом бывшая супруга заявила на работу к счастливой сопернице, перебила там зеркала и переломала расчески. Ну и клиенты разбежались!

Она замолчала, затем добавила:

– Мы тоже запросто разориться можем, если весть понесется, что лошади людей убивают. Другое дело...

– Что?

Галка вздохнула.

– Ты про лошадей какую-нибудь информацию знаешь?

– Ну, помощники человека, сельскохозяйственное животное, еще в скачках участвуют, иногда в охоте...

Верещагина хмыкнула.

– Лошадь – великолепный друг, умный товарищ, чуткий, настороженный. У каждой – свой характер. Не скрою, встречаются среди них вредные, злые, мстительные... Но в основной массе скакуны доброжелательны и тянутся к человеку. Ни за что не поверю, что Лорд ударил копытом Лену.

– Почему? – тихо спросила я.

– Это не в его характере, – отрезала Галка.

Я рассмеялась.

– Не неси глупости, разве у лошадей бывает характер!

Верещагина нахмурилась и ткнула пальцем в Снапа, мирно дремавшего в кресле:

– Вот твой ротвейлер, злобный пес, отчего не в наморднике?

Я возмутилась.

– Снапун? Да кто тебе сказал, что он злобный? Милый, веселый, игривый мальчик, обожающий все человечество, да он первый друг всех кошек и боится попугая!

– Но ротвейлеры – злые, охранные собаки...

– Не все же! И потом, у каждого пса свой характер. Снапун, например...

– Вот-вот, – перебила меня Галя, – и у Лорда тоже был свой характер, тихий, интеллигентный, деликатный жеребец, к тому же обожавший хозяйку, он очень тосковал, если та долго не приезжала. Ну никак не мог он разбить ей лицо копытом. Кстати, Лорд, стоило выпустить его во двор, всегда очень осторожно перебирал ногами, у нас кошки, и он просто боялся раздавить кого-нибудь. Лошади осознают свою силу, это не тупые орудия для перемещения людей и тяжестей, они личности! Впрочем, таким качеством обладал не только Лорд. Вот Каролина, например, на которой ты вчера каталась! Думаешь, она не поняла, что несет не слишком умелого всадника? А как осторожно шагала, чтобы ты не сверзилась!

Внезапно мне вспомнился Хучик, вертящийся под ногами Каролины, и та осторожность, с которой кобыла двигалась в деннике. Она определенно опасалась ушибить неловкого мопса...

– Когда я вошла в стойло и увидела лежащую Лену, – медленно сказала я, – Лорд плакал, по его морде катились слезы! И он не захотел съесть сахар!

– Вот видишь, – обрадовалась Галка, – он переживал смерть любимой хозяйки!

– Некоторые убийцы, – пробормотала я, – уничтожат жертву, а потом рыдают, чтобы отвести от себя подозрения!

Галя всплеснула руками.

– Так то люди! Лошади не способны на лицемерие!

Повисло молчание, прерываемое только легким похрапыванием Снапа да жужжанием пылесоса где-то на втором этаже. Кажется, Шопенгауэр говорил: «Чем больше узнаю людей, тем сильнее люблю собак».

– Дашка, – тихо сказала Галка, – помоги, только на тебя вся надежда!

– Сколько? – спросила я, вставая.

Галя молчала.

– Давай, не стесняйся, – ободряла я бывшую соседку, – и расписок не надо, в прежние времена без формальностей обходились, говори скорей? Двадцать тысяч? Сорок?

Галка вздохнула.

– Денег у самих хватает пока, не знаю, правда, что дальше будет. Только Леше никак нельзя без любимого дела остаться, без коняшек своих драгоценных... Боюсь, запыет опять, помощи, Дашута!

– Чем? – изумилась я.

– Ты Войцеховского знаешь?

– Степана? Конечно.

– Он говорил, что, когда погибла Лариска, именно ты нашла ее убийцу.

Я разинула рот от удивления. Это правда, Несчастливая Ларка, убитая в собственном доме, была одной из моих лучших подруг, и я поклялась найти негодяя, лишившего ее жизни¹. Но откуда Галка знает Степу, мужа бедной Лары?

– Степан же ветеринар, – спокойно пояснила Галя, – причем один из лучших, врач божьей милостью, без УЗИ насквозь болячку видит. Мы его на сложные случаи зовем. Как-то раз разговорились, ну Войцеховский и рассказал про Лариску и про то, что ты нашла убийцу. Я еще подивилась, до чего тесен мир, плюнь, попадешь в знакомого. Помогите, Дашуня!

– Как?

– Лену убили! Лорд тут ни при чем. Подложили труп под его ноги и вымазали копыто кровью!

– Но кто это сделал?

– Это вопрос, – пробормотала Галя, – найди настоящего убийцу!

– Господи, обратись в милицию.

– А то я ментов не знаю, – взвилась Верещагина, – год канительиться будут и ничего не обнаружат! Станут ездить без конца! Поди плохо следствие на свежем воздухе вести, у нас и баня, и рыбалка, и охота... Всех клиентов распугают! Нет, лучше самим подсуеиться.

– Найди частного детектива.

– Вот я и хочу это сделать.

– Давай, – одобрила я, – правильная мысль, сейчас в Москве полно агентств.

– Я уже выбрала, – отрезала Галя.

– Кого?

– Тебя!

– Я не умею заниматься такой работой, – отбрыкивалась я, – вдруг ничего не получится...

– На нет и суда нет!

– А вдруг я приду к выводу, что Лорд и впрямь виноват!

– Это невозможно, – парировала Галка, – имей в виду, я хорошо заплачу. И потом, у нас с Лешкой есть теперь знакомые в газетах, как только установишь истину, мигом статью накропают, вроде такой: люди, лошади Верещагиных не убийцы!

– Мне не нужны деньги!

– Отдам тебе Каролину!

Я замолчала, вспомнив большие карие глаза кобылы, мягкие ноздри и теплое дыхание, долетевшее до щеки, когда лошадь положила мне голову на плечо.

– Честно сказать, Каролина мне очень понравилась.

– Она твоя, – серьезно продолжала Галя.

– Но...

– Значит, Степану ты помогла, а нам не хочешь?

– А вдруг не получится?

– Получится, – стукнула Галка кулаком по столу, – определенно получится. Миша ее убил, только не знаю, за что.

– Откуда у тебя такая уверенность?

¹ См. Дарья Донцова. «Дама с коготками», ЭКСМО, 1999 год.

Галя снова закурила.

– Посуди сама. Во дворе никого чужих не наблюдалось. Твои домашние, Ольга, Аркадий, Маруся, могли убить?

– Ты что, белены объелась? – возмутилась я.

– Значит, остаются Лешка и Михаил. Но мой муж абсолютно точно не виноват, тогда кто?

– Может, ты или я...

– Не пори чушь, – обозлилась Галя, – Михаил, больше некому, думаю, из-за денег!

Я молчала, вспоминая ссору супругов в лесу, потом спросила:

– А что ты знаешь о Каюровых?

Верещагина скорчила гримасу омерзения:

– Практически ничего.

Глава 6

С Каюровыми Галя познакомилась в июне. Первого числа позвонил мужчина с приятным голосом и попросил принять на конюшню двух жеребцов – Ральфа и Лорда.

– Где вы содержали их до этого? – спросила Галя.

– Нигде, – раздалось в ответ, – только что приобрели скакунов, и Андрей Владимирович Чванов посоветовал обратиться к вам.

Галка отлично знала Чванова, состоятельного мужика, страстного лошадника. Андрей Владимирович несколько раз посылал к Верещагиным клиентов, и это всегда оказывались солидные, денежные люди. Поэтому Каюровых она приняла с радостью и поинтересовалась:

– Куда отправить фургон за лошадьми?

– Спасибо, – последовал ответ, – их привезут, если разрешите, завтра.

Галочка великолепно знала, что многие фирмы, занимающиеся транспортировкой грузов, согласны на все, чтобы получить выгодный заказ. Один раз к ним привезли насмерть перепуганное животное в... рефрижераторе. Слава богу, хоть с выключенной холодильной установкой. Это только кажется, что лошадь легко перевозить, завел в машину, потом вывел... Но все не так просто. Поднять лошадь в фургон трудно, а спустить ее оттуда еще труднее, к тому же оставлять животное одно в движущемся транспорте нельзя. В дороге его должен сопровождать конюх, желательно такой, которому лошадь доверяет. Памятуя все это, Галочка и предложила:

– Может, лучше мы доставим, безвозмездно, такая услуга входит в месячную плату.

– Спасибо, – вновь очень вежливо сказал Каюров, – сами справимся.

Верещагина только вздохнула. Лечить доведенного до истерического припадка жеребца придется ей. Но Ральф и Лорд прибыли в изумительно оборудованном фургоне. Леша восхищенно цокал языком, оглядывая машину. Пол, покрытый специальным ковром, был оборудован подъемником, и животные, просто став на него, оказывались через пару секунд внутри. Их не надо было, понукая и упрасывая, заводить по настилу. Внутри было великолепно стойло, сиденье для конюха, ветеринарная аптечка, а на стене – мобильный телефон.

– Что это за фирма такая? – удивлялся Алексей, разглядывая красные буквы, украшавшие борта грузовика. – «МИЛ», никогда не слышал, но, похоже, ребята дело знают! От такого фургона даже я бы не отказался.

Михаил засмеялся, а когда сели пить чай, пояснил:

– «МИЛ» принадлежит нам с женой. Мы занимаемся перевозкой нестандартных, вернее, необычных грузов. Причем это не только животные. В мае нас нанимал Музей Востока, чтобы доставить в Париж на выставку две мумии. Самолетом везти нельзя, вернее, можно, но только в пассажирском салоне, в багажном отделении холодно, и давление другое. Представляете свою реакцию: вы собрались во Францию, сели в аэробус, а рядышком парочка спеленутых покойничков, отъехавших на тот свет еще до Рождества Христова!

Он засмеялся, Галя и Леша тоже развеселились. Каюров продолжал:

– Не поверите, чего только мы не возили: вирусы, древние книги, картины, тяжелобольных людей, носорога... Мы никому не отказываем. Не хотят граждане пользоваться «Скорой помощью» – никогда не спрашиваем почему. Наше дело выполнить заказ, а отчего человек обратился к нам, нас не касается! Дело у нас доходное, так что, если что потребуется, обращайтесь, обслужим по льготному тарифу.

Каюровы оказались беспроблемными клиентами. Плату не задерживали, претензий не предъявляли и никогда не хамили Верещагиным. Приезжали раз в неделю, в основном в пятницу, оставались на ночевку и всю субботу катались по окрестностям. Леша и Галка никогда не протестуют, если хозяева лошадей остаются в гостевых комнатах, дом у них большой, комнат для приезжающих целых пять, проблем никаких. Есть еще один нюанс. Например, Чванов,

приятнейший человек, профессор, мировая величина в области хирургии, заявляется к Верещагиным примерно раз в десять дней, каждый раз с новой дамой, которую величает «племянницей». Галка ласково приветствует девушек и делает вид, что искренне верит в родственные узы, связывающие Андрея Владимировича с длинноногими блондинками...

Но Каюров всегда появлялся только с законной супругой.

– А ты уверена, что Лена – его жена? – спросила я.

Галка серьезно ответила:

– Конечно. Однажды разговор зашел о семейной жизни, и мы случайно выяснили, что расписались в один день, правда, в разные годы. Мы-то с Лешкой 28 апреля 1982 года, а они тоже 28 апреля, но в 1998-м. Лена даже вытащила паспорт и показала штамп о браке. Но даже без документа было понятно, что они супружеская пара.

– Почему?

– Ну она с ним так разговаривала... С любовником иначе общаешься, Михаил явно был подкаблучник, постоянно хотел ей угодить. То шаль принесет, то ножки укроет, словом, не хочу говна!

– Что? – удивилась я.

Галка захохотала.

– Анекдот такой есть. Уж, извини, мы, селяне, народ грубый, вот и шутки такие. Одна жена попросила мужа:

«Хочу бутерброд с дерьмом».

Муженек удивился, но волю супруги выполнил, принес «деликатес». Смотрит женушка на поданное и кривится:

«Сам сначала попробуй!»

Делать нечего, пришлось несчастному навоз жевать, а благоверная спрашивает:

«Ну, вкусно?»

«Нет, – отвечает подкаблучник, – мерзость жуткая».

«Ой, – кричит баба, – так я и пробовать не стану, верю тебе».

Я усмехнулась. Сама выходила замуж четыре раза, только подобные угощения во всех браках доставались мне. Наверное, я слишком мягкотелая и не умею пользоваться когтями и зубами или у меня их просто нет.

– Дай мне телефон Чванова, – попросила я.

Галка радостно хлопнула в ладоши.

– Согласна! Ну, спасибо! Сейчас, погоди.

Она принялась рыться в огромной сумке, приговаривая:

– Нет, выкину эту торбищу, вечно в ней все исчезает, словно в черной дыре.

Не успела она с криком «нашла» выложить на стол черненькую книжечку, как с порога раздалось тихое:

– Здравствуйте!

Слегка удивившись, я перевела взгляд и чуть не перекрестилась. В комнату входил Севка Лазарев.

– Ты откуда? – ляпнула я от неожиданности.

– Как это? – изумился Севка. – Из Израиля, конечно. Вот, приехал ненадолго. Мама велела у вас остановиться, говорила, места полно. Я, между прочим, теперь подданный Израиля, в этой стране иностранец, знаешь, какие деньги за гостиницу заламывают, когда паспорт видят. Поэтому мы с Тузиком к тебе.

– Ты собаку привез? – изумилась я.

Надо же, какие метаморфозы жизнь делает с людьми. Помнится, у Севки была жуткая аллергия, он чихал и кашлял, стоило только вытащить из шкафа пушистую шубку, сшитую

якобы из белки. Но не зря внутренний голос мне подсказывал: манто состряпано из кошачьих шкурок, аллергию-то не обманешь! И вот теперь Лазарев обзавелся собачкой!

– При чем тут животные, – побагровел Севка, – забыла, что ли, про мою болячку!

– Но ты сказал: «С Тузиком», – пролепетала я.

– Знакомьтесь, – буркнул Севочка. – Тузик, мой лучший друг.

Я увидела за широкой спиной Лазарева небольшую худенькую тень и вежливо сказала:

– Добрый день.

Севка посторонился, и Тузик вошел в столовую. У меня опять, в который раз за последние дни, челюсть уехала в бок, словно каретка у пишущей машинки. Назвать мужчиной существо, вползшее в комнату, язык не поворачивался. Щуплая, даже изможденная фигурка, плечики примерно сорок четвертого размера переходили в цыплячью грудь с явными признаками кифоза. Талия Тузика была сравнима с моей, да и размер обуви небось совпадал. Волосы нежданного гостя были мелированы, брови выщипаны, глаза подведены, а губы накрашены, правда, помадой естественного тона, и с первого взгляда казалось, что просто рот у незнакомца такой яркий от природы. Но сильный блеск без слов говорил: тут не обошлось без косметики. Довершала его облик крохотная брильянтовая сережка в ухе.

– Здравствуйте, – слегка жеманясь, выдавил из себя Тузик и вытянул вперед тонкую бледную лапку с нежной кожей.

Я взяла его нервную, слегка влажную ладошку, осторожно подержала в руке и отпустила.

Ну надо же! Тузик! Интересно, как его кличут по паспорту? Туз Иванович? Хотя, учитывая, что оба прибыли из Израиля, такое отчество не подойдет. И вообще, каково его полное имя. Тузиил? Тузовец?

Севка никогда не был моим мужем. Правда, какое-то время я думала выйти за него. Первый раз в жизни во мне проснулась расчетливость. В год, когда познакомилась с Лазаревым, я уже имела два развода за спиной. Успела уйти от Костика, отца Аркадия, и Кирилла Артамонова. К слову сказать, Аркадий не родной мой сын, на самом деле это ребенок Константина от первой жены, но после разрыва малыш остался со мной. Нас разделяет всего четырнадцать лет. Но я пришла в дом к Косте восемнадцатилетней, а Кешке было только четыре. Через пару недель он начал звать меня мамой, а через полтора года мы убежали с ним от отца и мужа вместе.

Поднимать ребенка одной тяжело, да еще Костик, будучи патологически жадным, старался, как мог, не платить алиментов. В год, когда Кеша собрался идти в первый класс, мне пришлось при помощи друзей из милицеских кругов сделать ему метрику, в которой черным по белому, вернее, фиолетовым по зеленому стояло: мать – Васильева Дарья.

В тот же год я и познакомилась с Севкой. В отличие от меня, нищей преподавательницы, долбящей целыми днями в деревянные студенческие головы знания за крохотный оклад, Севка был более чем обеспечен. Будучи старше меня на десять лет, он имел кандидатское звание и сидел на доцентской ставке, и не где-нибудь, а в университете, работал в цитадели науки. Но основные материальные блага получал он от матери, очаровательной хохотушки Анны Николаевны. Вернее, Нюши, потому что по имени-отчеству я назвала несостоявшуюся свекровь только однажды, придя первый раз в гости.

– Да ладно тебе, – отмахнулась женщина, – меня все Нюшей зовут!

Я принимала решение связать свою судьбу с Севкой из расчетливости, устав от безденежья и постоянного сражения с житейскими неприятностями, но не последнюю роль сыграло и то, какая меня ожидает свекровь. Ровно через час после знакомства Нюша превратилась в мою подругу, и мы до сих пор перезваниваемся и ходим друг к другу в гости, несмотря на то что поход в загс отменился. А разбежалась я с Лазаревым по крайне простой причине. Узнав, что Кеша на самом деле не мой кровный родственник, Севка отрезал:

– Отдавай пацана назад, его родным, на фига мне приемыш! Ладно бы сирота! А то при живом отце. Я, значит, корми, пои, а почему? В общем, выбирай: или я, или Аркадий.

В моей душе не было колебаний. Мужья приходят и уходят, а дети остаются.

Встречаясь с Нюшей, я была в курсе дел Севки, знала о его двух, быстро распавшихся браках и об отъезде в Израиль. Но Нюша ни словом не обмолвилась о том, что Севка сменил половую ориентацию. Хотя, насколько я помню, бабы его не слишком волновали, и обе жены убежали от Лазарева, хором обвиняя его в импотенции. Может, он всегда был «голубым»? Просто хорошо скрывал свои наклонности. При коммунистах-то существовала специальная статья в Уголовном кодексе.

– Слышь, Дашутка, – тронула меня за локоть Галка, – я поеду домой. Телефончик Чванова на столе.

Я кивнула. И то верно, при гостях не поговоришь по-человечески.

– Позвоню вечером.

– Ладно, – кивнула Верещагина и ушла.

Севка окинул взглядом комнату, увидел Снапа, благополучно проспавшего приход гостей, и подпрыгнул.

– Собака!

Я развела руками.

– Вообще-то их в доме пять.

– Жуть, – взвизгнул Лазарев.

– Еще две кошки...

– Катастрофа!

– Хомячки и жаба.

– Отвратительно, – заявил Севка, – мне придется ходить по дому в противогазе. А нельзя весь этот зоопарк временно отселить?

– Куда?

– Ну в гостиницу для кошек и собак!

– Извини, – железным тоном ответила я, – никак не получится. Лучше я тебе номер сниму, за свой счет. «Мариотт-отель» подойдет? Там Клинтон, кажется, останавливался, говорят, приличное место.

– Не хочу.

– Почему? Сказала же, сама заплачу!

– У меня у самого деньги есть, – поджал губы мой несостоявшийся муженек, – слава богу, не нуждаюсь.

– Тогда в чем дело? – нагло поинтересовалась я, все-таки проглотив вторую часть вопроса, которая висела на кончике языка: «Отчего ко мне в гости, коли в гостинице поселиться можно».

– Из принципа, – серьезно ответил Севка, – не желаю, чтобы на мне наживались хозяева. Поэтому остановимся у тебя.

– Нюша не обидится?

Севка вздернул брови.

– У нее ремонт, жуткая грязь, вонь, пыль... А у нас с Тузиком аллергия.

«У меня тоже, на гостей», – чуть было не выпалила я, но, проявив чудеса выдержки, смолчала.

Тихонько скрипнула дверь, и в столовую вошел Хучик. Увидав людей, мопс начал вертеть круглым толстым хвостиком. Севка мигом чихнул и, вытащив носовой платок, спросил:

– Это жаба?

– Нет, мопс, – ответила я, ощущая острое желание опустить на его безукоризненно причесанную голову тяжелый бронзовый торшер, – собака такая, очень хорошая.

Сева брезгливо отошел от Хуча, а Тузик присел и погладил животное по спинке.

– Ой, Севик, – взвизгнул он, – у него шелковая шерстка, такая приятная! Попробуй.

– Вымой руки, – велел Севка, – а то сейчас курить захочешь и грязь в рот потянешь.

– У вас тоже аллергия? – спросила я, глядя, как Тузик нежно пощипывает мопсика за жирные бока.

– Только на пыль, – ответил Тузик, – вообще я люблю животных, но дома у меня их никогда не было.

Он внезапно улыбнулся и глянул мне прямо в лицо большими ярко-голубыми глазами. Неожиданно Тузик преобразился, даже похорошел, и я невольно улыбнулась в ответ. А он ничего, во всяком случае, приятней Севки, который отшатнулся от ласкового Хуча, словно от больного проказы.

Вспомнив об обязанностях хозяйки, я заорала:

– Ира, открой две комнаты для гостей.

– Одну, – спокойно прервал Севка и, чтобы расставить точки над *i*, добавил, – желательно с широкой кроватью.

– Мать, – донеслось из холла, и Аркадий влетел в столовую, – мать...

Увидав гостей, он притормозил и опомнился.

– Здравствуйте.

– Кешик, – идиотски заулыбалась я, – помнишь ли Севу Лазарева? Сына Ньюши.

– Ага, – кивнул головой адвокат, – несостоявшийся папенька.

Севка хмыкнул.

– Дело давнее.

– А это Тузик, – закончила я.

– Тузик? – ошарашенно переспросил сын.

Его глаза, цвета молодой ореховой скорлупы, начали медленно вылезать из орбит.

Не в силах больше сдерживаться, я хрюкнула и, старательно глядя в пол, проблеяла:

– Ну вы знакомьтесь, мне пора...

Не дождавшись ответа от Аркашки, я рванула к двери и выскочила во двор.

Глава 7

По телефону Чванова, оставленному Галкой, долго никто не отвечал. Потом, когда я уже совсем было собралась отсоединиться, раздалось резкое:

- Слушаю.
- Будьте любезны, мне Андрея Владимировича.
- Слушаю.
- Ваш номер мне дала Галина Верещагина, хозяйка конюшни, где...
- Слушаю.

Он что, других слов не знает? Заладил: слушаю, слушаю.

- Когда можно к вам приехать?
- Диагноз?
- Что?
- Диагноз?
- Чей?

Очевидно, у Андрея Владимировича кончилось терпение, потому что он рявкнул:

- Болит где?

Значит, Чванов решил, будто разговаривает с дамой, стремящейся попасть на прием! Эх, жаль, забыла уточнить у Галки, какой он специализации. Придется выкручиваться:

– Ох, везде! Спину ломит, голова отваливается, ноги не ходят, руки отказывают, шея не поворачивается.

- У вас климакс? – осведомился Чванов.

Я возмутилась до глубины души. Разве он не слышит, что разговаривает с дамой, еще не достигшей пятидесятилетия.

- Нет, конечно! Я нахожусь в самом цветущем возрасте!
- Кактус Алонго цветет за пару дней до кончины, – хмыкнул доктор.

Интересно, он со всеми предполагаемыми клиентами так разговаривает или я ему чем-то не понравилась?

- К невропатологу ходили?
- Я совсем не нервничаю!!!

Чванов откровенно засмеялся:

- Сегодня сумеете приехать? С работы отпустят?
- Я не работаю.
- На пенсии?

Ну вот опять!

– Нет, – гаркнула я, окончательно теряя самообладание, – ренту не получаю, инвалидности не имею, просто мое материальное положение позволяет сидеть дома!

– В час дня, – коротко ответил врач. – Корзинкинский проезд, 19, если есть анализы, прихватите.

И он отсоединился. Ну встречаются же такие малопривлекательные личности! Однако, каким бы ни был милейший Андрей Владимирович, мне нужно вызвать его на откровенность и узнать хоть что-то о Каюровых!

В глубокой задумчивости я побрела в спальню и принялась перебирать вещи. Мужчины крайне самонадеянны. Они совершенно искренне считают женщин намного глупее себя. А уж богатая дама просто обязана, по их мнению, быть кретинкой. Причем, как только до лиц противоположного пола доходит информация о моих капиталах, мигом в их глазах я вижу невысказанный вопрос: «И каким местом, дорогуша, ты заработала эти бешеные бабки?» То есть предполагается, что миллионы на самом деле добыл мужчина, а дама пользуется ими только

потому, что является женой или любовницей. Правда, господам иногда приходится признать превосходство над собой удачливой бизнес-вумен, но, коротко отметив успехи бабы на поле традиционных мужских игр, они добавляют: «Жаль только, что она страшна как смертный грех и, естественно, не замужем...»

К тому же я блондинка, натуральная. А это уже и не смешно! Любая тетка со светлыми от природы волосами глупа как пробка, это же всем известно!

Но мне такое мнение только на руку. Поняв, что видят перед собой непроходимую дуру, собеседники расслабляются и выбалтывают слишком много.

Выкатив из гаража «Форд», я порулила в сторону центра. Уже на въезде в Москву, в самом начале Минского шоссе, паренек в форме, коротко свистнув, повелительно взмахнул жезлом. Так, сама виновата, выезжала на главную дорогу и не пропустила помеху справа.

– Ваши права, – сурово потребовал постовой.

Я вытащила документы и, хлопая голубыми глазами, прочирикала:

– В чем дело, котенок?

Паренек удивленно глянул на меня и ответил:

– Знак видите как называется?

– Главная дорога, котик.

– А что делать надо?

– В моем случае пропустить помеху справа.

– Почему тогда нарушаете?

Я сложила губы трубочкой и нежно пропела:

– Ну, котенок, по шоссе ехал «Мерседес» с мужиком, а я дама, думала, он уступит дорогу! Должен же мужчина женщину пропускать!

Секунду милиционер не мигая таращился на меня, потом сообразил, как реагировать:

– На дороге мужчин и женщин нет!

– Да? – изумилась я. – А кто за рулем тогда сидит?

– Водители, – буркнул мальчишка.

– Но, котенок...

– Прекратите ко мне так обращаться!

– Извини, голубчик, а как надо?

– Сержант Ефремов.

– Сержант Ефремов, котенок, то есть зайчик, я очень тороплюсь, давайте решим дело полюбовно, сколько?

– Нисколько, – вздохнул юноша, – проезжайте.

– Возьми шоколадку, зайчик.

– Уезжайте.

– Может, пачку сигарет?

– Не курю.

– Вот это правильно, зайка, – одобрила я и уехала.

Видите, как просто? У такой дуры-блондинки даже алчный сотрудник ГИБДД не хочет брать деньги. Хотя мне не жаль отдать ему пятьдесят рублей, ваньку же я валяла исключительно из любви к искусству. И потом, после подобных проделок, как правило, резко повышается настроение.

Больница, в которой работал Андрей Владимирович, располагалась в глубине довольно большого парка. Сегодня на улице было холодно, но не слякотно, больные выползли наружу и разбрелись по дорожкам. Я быстренько добежала до входа и уперлась в охранника.

– Подскажите, где кабинет Чванова.

– На втором этаже.

Я взлетела наверх и увидела черную табличку, на которой золотом горели буквы: «Главный врач Чванов Андрей Владимирович, доктор наук, профессор».

Приготовившись к встрече с секретаршей, я распахнула дверь и оказалась прямо в кабинете. По непонятной причине вход к Чванову никто не сторожил. Большая, более чем тридцатиметровая комната была заставлена книжными шкафами, внутри которых виднелись разнокалиберные тома, чуть в глубине ее помещался огромный письменный стол, заваленный горами бумаг, папками и газетами. Но самое яркое впечатление производила одна из стен, сплошь от потолка до пола увешанная фотографиями с автографами. Мужские и женские лица, молодые и старые, веселые и грустные...

– Сколько снимков, – невольно ахнула я, – это ваши родственники?

Сидевший за письменным столом мужчина рассмеялся густым басом:

– Можно сказать и так. Но на самом деле это пациенты, которые после операции живыми и здоровыми ушли домой.

Я продолжала рассматривать «коллаж». Да, впечатляет и, наверное, производит сильное действие на больного человека. Он приходит договариваться об операции, боится, нервничает, а тут такой «иконостас»!

– Слушаю, – решил оторвать меня от созерцания портретов хирург.

– Я звонила вам недавно от Гали Верещагиной...

– Слушаю, в чем проблема?

«В Каюровых», – хотела было ответить я, но вслух сказала другое:

– Очень плохо себя чувствую.

Чванов мягко улыбнулся.

– А именно?

Я вновь начала перебирать различные части тела, пытаясь сообразить, какая у него специализация. Гинеколог? Маловероятно, на стене полно снимков мужчин. Онколог? Уролог? Пульманолог? Ну какие части тела он оперирует? И зачем я только решила прикидываться больной!

Андрей Владимирович тяжело вздохнул:

– Анализы принесли?

– А как же, – обрадовалась я.

Честно говоря, терпеть не могу ходить по врачам, а кровь последний раз сдавала лет пятнадцать тому назад. Кстати, мои домашние тоже «обожают» лечиться и по докторам никогда не бегают. Но Зайка, собираясь стать матерью, регулярно носилась в лабораторию, и сегодня, отправляясь к Чванову, я вытащила из секретера несколько листочков.

Хирург уставился на бумажки, потом хмыкнул:

– Милочка, вы беременны.

– Не может быть, – выпалила я в полной растерянности, понимая, что сваляла дурака, – извините, но я не имею мужа.

Андрей Владимирович сохранил серьезное выражение лица, но в глазах его запрыгали чертики.

– Похвальное целомудрие в наш век бурной сексуальной революции. Так чем я могу помочь? Роды не принимаю, а по внешнему виду вы никак не похожи на мою пациентку.

Тут я не утерпела и поинтересовалась:

– А вы все отрезаете или только какие-то части?

Чванов хрюкнул и захохотал:

– Дорогая, откуда вы взяли? Ну признайтесь, вы работаете в газете, знаете про то, что я терпеть не могу журналистов, и решили таким образом взять интервью. Хорошо, согласен, ей-богу, вы мне нравитесь. Все ли отрезаю? Нет, только то, что испортилось, работающие куски оставляю...

И он снова заржал. Я хотела похвалить его за прозорливость и прикинуться корреспондентом, но неожиданно сказала:

– Вот и не угадали, более того, вам ни за что не догадаться, кем я работаю.

Андрей Владимирович хохотнул последний раз и поинтересовался:

– И кем же?

– Детективом.

– Вы сотрудник милиции?

– Нет, частный детектив.

– И зачем я вам понадобился?

– Вы знаете Каюровых?

– Кого?

– Мишу и Лену. Вы еще порекомендовали им поставить лошадей к Верещагиным. Кстати, почему вы посоветовали именно эту конюшню?

– Столько вопросов сразу, – усмехнулся Чванов и, достав небольшую, красиво изогнутую трубку, поинтересовался: – Не помешает?

Я помотала головой. Андрей Владимирович сосредоточенно поковырял в деревянной «чашечке» какими-то железками, набил ее табаком, выпустил светло-серое облако дыма и сказал:

– А я к Гале с Лешей многих направил.

– Почему?

Чванов улыбнулся.

– Если начал делать доброе дело, не надо останавливаться!

– Не понимаю.

– Я был самым первым их клиентом.

– Ну да? А Галка говорила, будто они объявление в газете дали.

– Правильно, – кивнул Чванов, – я иногда просматриваю «Из рук в руки», там интересные вещи встречаются.

Как-то раз Андрей Владимирович листал один из номеров газеты бесплатных объявлений. В глаза кинулись строчки «Отличные конюшни». Чванов призадумался. Любовь к лошадям у него в крови, и дед, и отец работали на ипподроме. Поэтому, как только ему позволили финансы, хирург завел сразу двух скакунов. Но держать коней на городской квартире невозможно, да и на даче для них нет условий, поэтому лошади Чванова находились в хорошо известном всем лошадиникам месте – конюшне Олега Чеснокова. Все там было хорошо, кроме одного. У Чеснокова вечно толкался народ, и приходилось не столько наслаждаться природой и общением с любимым Огоньком и Бураном, сколько разговаривать со знакомыми. Может, кому-то такое времяпрепровождение и было по вкусу, но только не профессору. За неделю он успевал побеседовать с таким количеством народа, что в выходные хотел лишь одного: покоя и тишины. А этих двух составляющих у Чеснокова как раз и не было.

Андрей Владимирович позвонил по телефону и остался доволен. Леша честно сказал, что звонок Чванова первый, что много денег он не возьмет и что конюшня только открывается. Наверное, следовало сразу отказаться от Верещагиных, но Чванова тронула искренность Алексея, и он поехал взглянуть на стойла.

Сказать, что хирург испытал разочарование, – это не сказать ничего. Скакунам предлагался сарай, правда аккуратно покрашенный, устеленный соломой и со свежеструганными воротцами. Но никакого сравнения с каменными домами Чеснокова новое «стойбище» не выдерживало. Не было в Зыбкине гостиницы, обширного штата obsługi, только Галя, Алексей и их дочь Катя. Но именно девочка и склонила чашу весов в их пользу. Рыжая, такая же, как мать, она подошла к хирургу и бесхитростно поинтересовалась:

– А где лошадки?

Андрей Владимирович вздохнул. С одной стороны, он не ожидал, что «отличные конюшни» окажутся столь убогими, с другой – не хотелось обижать этих милых людей, явно очень нуждавшихся в заработке.

– Мальчики приедут завтра, где-то в районе обеда, – неожиданно сказал Чванов.

В глазах Алексея вспыхнул огонь, а из лица Гали ушла настороженность.

– Хотите на Жене покататься? – предложила Катя и, не дожидаясь ответа, повернулась к матери: – Ведь можно?

Но утомлять старую кобылу Чванов не стал, мимоходом отметив, что та, несмотря на полную неспособность в силу преклонных лет заниматься работой, безукоризненно вычищена и досыта накормлена. Андрей Владимирович прошел в дом, съел изумительные блины и... неожиданно для себя остался ночевать. Так начались его взаимоотношения с Верещагиными, выглядевшие сначала исключительно как меценатские.

Чванов не только разрекламировал «отличные конюшни», он еще дал Верещагиным денег в долг для строительства новых денников. Правда, хирург не прогадал. Алексей мигом стал на ноги и быстро превратился в преуспевающего хозяина. Чванова он боготворил и, зная, как Андрей Владимирович любит покой, никогда не принимал никого в тот день, когда собирался приехать хирург, даже в ущерб бизнесу.

– А Каюровых вы откуда знаете? – влезла я.

– Нашему медицинскому центру требовалось перевезти томограф, – пояснил Андрей Владимирович, – нежную машину. Вот и стали искать соответствующую контору. Знающие люди посоветовали «МИЛ». Так я и увидел Каюровых. Потом еще несколько раз прибегал к их помощи... Однажды Михаил сказал, что они с женой обожают лошадей и с удовольствием бы приобрели животных, но не знают, куда их определить. Ну я и посоветовал Верещагиных.

– И это все? Вы не их близкий друг?

– Нет, – покачал головой профессор, – просто знакомый, причем довольно дальний. Могу рекомендовать их как отличных знатоков своего дела, но и только, а почему такой интерес к ним? И вообще, что случилось?

Я помялась немного и рассказала о смерти Лены. Чванов зацокал языком:

– Ужасно! Какая трагичная смерть!

– Вы верите, что Лорд мог убить хозяйку?

– Непреднамеренно, конечно.

– А как?

– Женщина могла потерять сознание и упасть прямо под его копыто!

– Лена выглядела здоровой!

Андрей Владимирович потер широкой ладонью затылок.

– Ну знаете ли, рухнуть в обморок может и вполне бодрый человек. На улице прохладно, в конюшне тепло. Вошла внутрь, организм не успел вовремя среагировать на смену температуры. Вероятно, Лена выпила, могла понервничать, да мало ли причин для изменения давления. Есть еще такая штука, как вегетососудистая дистония, она у каждой второй горожанки, в конце концов Каюрова иногда принимала рудотель, такой успокаивающий препарат, он дневной, не вызывает сонливости, но все же транквилизатор.

– А вы откуда знаете?

– Видел просто, – пожал плечами Чванов, – уж не помню, при каких обстоятельствах. Просто глаз врача зацепился за упаковку, и я машинально отметил: она пьет рудотель. Кстати, ничего особенного в этом нет. Вас нанял Михаил?

Я повертела в руках сумочку и рассказала профессору о визите Гали и ее подозрениях. Чванов нахмурился:

– Чужая жизнь потемки, да и видел я Каюровых всего несколько раз, но у меня сложилось впечатление, что Михаил любил супругу. Он был очень заботлив, вот Лена, – та разговаривала с мужем резко, тоном хозяйки, слегка бесцеремонно. Но, оговорюсь еще раз, близко знакомы мы не были.

Я горестно вздохнула и от полной безнадежности поинтересовалась:

– Вы не слышали никогда про такую даму: Маргарита Назарова?

Собеседник ухмыльнулся:

– Кто же не знает Риту!

– Я, например, где ее искать?

Андрей Владимирович вытащил из стола плоскую железную пепельницу, тщательно выколотил трубку, спрятал ее в замшевый мешочек и ответил:

– Не знаю. Дома, наверное, Рита спит до трех часов дня, потому что вечерами занята.

– Она актриса?

– Нет, – улыбнулся Чванов, – хотя можно и так сказать.

Мне слегка надоела его манера ходить вокруг да около, и, наверное, поэтому излишне сердито я спросила:

– И где она работает?

Профессор опять усмехнулся:

– Рита выходит замуж, причем крайне удачно. Каждый следующий муж оказывается богаче предыдущего. Назарова сколотила неплохое состояние, получая отступные при разводе. Сейчас она жена Рифата Ибрагимова.

– Это кто такой?

Хирург пожал плечами.

– Бизнесмен.

– А у вас нет случайно телефона Назаровой?

– Есть, – спокойно ответил Чванов, – могу дать. Уж не знаю, зачем она вам понадобилась, только хочу предупредить, не надо при знакомстве ссылаться на меня.

– Почему? – удивилась я, записывая цифры.

– Рита была моей женой, – мирно пояснил профессор, – и я оказался единственным, который удрал от нее почти с полным кошельком.

Глава 8

Сев в «Форд», я вытащила телефон и набрала номер Назаровой.

Тут же ответил бодрый, я бы даже сказала, наигранно-веселый голос:

– Аллю.

– Можно Маргариту?

– Маргарита Сергеевна еще не вставала. Кто ее спрашивает?

– Дарья Васильева хотела пригласить госпожу Назарову в гости, сегодня, в семь часов, – вдохновенно соврала я прислуге.

– Минуточку, – ответила собеседница, и в трубке послышался шорох.

Очевидно, секретарь листала ежедневник, отыскивая нужный день. Потом она безукоризненно вежливо сказала:

– Извините, естественно, я запишу приглашение вашей хозяйки, только, к сожалению, у Маргариты Сергеевны вся неделя расписана заранее, и она не может гарантировать, что придет на суаре.

Я вздохнула. Жизнь постоянно преподает мне уроки. Став богатой дамой, я никак не могу обзавестись привычками «новой русской». Мне до сих пор неудобно, если я поднимаюсь после завтрака в спальню и обнаруживаю, что Ирка успела убрать постель. К слову сказать, у Кеша, и Зайка, и Машка не испытывают никаких комплексов и радостно расшвыривают все вокруг. Еще обеспеченные дамы имеют шофера, секретаря, охранника, стилиста-визажиста, массажиста, тренера по фитнесу, личного доктора... Все, но только не я. Впрочем, вру, собственный врач имеется, это ближайшая подруга Оксана, хирург по профессии, она лечит нас от разных напастей, только зубы не трогает. Но от нее жалости и присюсюкивания не дождешься. Стоит залечь в кровать и отдаться болячке, как Ксюта врывается в комнату, распахивает окно и вопит:

– Какая температура? 37 и 5? Ерунда, ну-ка быстро слопай эти таблеточки и поехали в театр. Нечего в тряпках гнить, давай, давай, шевелись!

Ну скажите, можно пожаловаться такому эскулапу? Никакой серьезности! Но вот странность, однажды Оксанка уехала отдыхать, а я заполучила ангину и вызвала доктора, который пользует семью нашего соседа по поселку банкира Сыромятникова. Вот тут я поимела полное удовлетворение. Меня уложили в кровать, закутали в пуховые одеяла, законопатили форточки и начали кормить «легкой» едой, без животных белков, два раза в день приходила медсестра с уколами... Казалось бы, при таком лечении мигом встанешь на ноги! Ан нет. Я провалялась в кровати почти месяц, с тоской глядя, как ртутный столбик стоит на 38 градусах. Но тут, слава богу, вернулась Оксана, встряхнула меня на пол, пожарила отличный бифштекс, поднесла горсть разноцветных таблеток и велела:

– Заканчивай идиотство! Натягивай джинсы и едем.

– Куда? – просипела я, покачиваясь от слабости. – Ноги не идут.

– Фу, – фыркнула подруга, – если еще недельку проваляешься, конечности атрофируются и отвалятся совсем, шевелись! У меня шторы посеклись, нужны новые!

После трех часов, проведенных в магазине «Драпировка», я почувствовала, что противное царапанье в горле исчезло, а лоб приобрел прохладу.

– Слушаю вас, – поторопила меня прислуга Назаровой. – Говорите адрес.

Без тени колебания я сообщила:

– Коттеджный поселок Ложкино.

Все равно Назарова ни за что не отправится к незнакомой даме, можно смело давать адрес. Наконец пришел момент задать главный вопрос:

– Скажите, а где сегодня намеревается провести вечер Маргарита? Может, изменит свои планы, а то у моей хозяйки не хватает одной дамы за столом. Вы точно уверены, что Рита занята?

Секретарша вновь крайне вежливо ответила:

– К сожалению, это исключено. Маргарита Сергеевна отправляется на свадьбу к Игорю Минкину.

– К кому?

– К Минкину, – спокойно повторила девушка, – неужели вы не слышали про такого эстрадного певца?

Честно сказать, нет. Для меня последней известной фамилией остался Кобзон. Впрочем, еще слышала про Пугачеву с Киркоровым и Леонтьева, но новых кумиров не знаю. Вроде Маня иногда слушает девушку по имени Земфира.

– Надо же, – изобразила я радость, – Минкин женится! Надо сказать Дарье Ивановне, может, она захочет послать подарок. А где предполагается торжество?

– В семь часов, клуб «Железный попугай», – сообщила «информаторша», – Чонский проезд, девять, странно, однако, что ваша хозяйка не в курсе, господин Минкин, по-моему, пригласил весь город!

Ровно в 19.00 я подрулила к увеселительному заведению, носившему экзотическое название «Железный попугай». Ради того, чтобы попасть внутрь, пришлось нацепить «маленькое черное платье» от Шанель и обвеситься драгоценностями. Руки оттягивал огромный пакет с надписью «Вулворт». На свадьбу принято делать подарки, и я, поколебавшись между столовым сервизом из лиможского фарфора и белыми шерстяными одеялами от «Вулворт», выбрала последние. Посуда может и не понравиться, но покажите мне человека, которому не придутся по душе теплые пледы из чистой шерсти мериносо!

У входа маячил секьюрити. Увидав меня, он вздохнул:

– Вы к кому?

Я подковыляла к нему в туфлях на ужасающей шпильке, найденных в шкафу у Зайки, и закатила глаза.

– Ах, голубчик, конечно же, на свадьбу к Игорьку!

– Но, – завел секьюрити.

– Ни слова, дружок, – прервала я, протягивая ему пятьдесят долларов, – я потеряла приглашение, впрочем, всегда все теряю!

– Но...

– Голубчик, сейчас звякну Игорьку на мобильник, и он страшно обозлится, когда узнает, что ты меня не пустил.

– Послушайте...

– И слышать ничего не хочу, – взвизгнула я.

Охранник посторонился. Я влетела в широкий холл и удивилась мертвой тишине. Часы показывали девятнадцать часов пять минут, но ничего не говорило о том, что тут готовится торжество. Естественно, я опять совершила ошибку и явилась точно в срок. Люди на тусовки приезжают на час, а то и два позже. Вовремя являются лишь халявщики, боящиеся пропустить дармовое угощение. Но где оркестр, воздушные шары, официанты в ливреях? Почему хозяин «Железного попугая» не стоит в холле с радостной улыбкой на лице?

– Что тут происходит? – налетела я на секьюрити. – Где свадьба?

– Я пытался вам объяснить, – завел парень, – а вы слушать не захотели.

– Зато сейчас я вся внимание.

– Отменили праздник.

– Почему?

Юноша хихикнул:

- Они утром должны были в загс идти, потом в церковь ехать, а уж только затем к нам.
- Ну?

– Так невеста в загс явилась и с женихом поругалась, – захихикал охранник, – цветами его по роже отходила, кольцо каблуком раздавила и убежала! Вот и накрылся праздничек медным тазом! Отменили все.

Я тяжело вздохнула и, сев в «Форд», поехала в Ложкино. Нет, все-таки хорошо, что я купила не сервиз, а пледы. Ну куда бы я сейчас дела набор посуды на 12 человек? Лишние же одеяла всегда кстати.

Наш дом сиял огнями. Домашние радостно зажигают свет везде и забывают потом его выключить, поэтому в конце месяца приходится заполнять километровые счета.

В столовой вокруг накрытого стола сидела вся компания. Аркадий, Зайка, Маня, Сева и Тузик. Отметив, что собак нет, я бросила мешок с подарком на диван и спросила:

- Что на ужин?
- Фрикасе из цыпленка, – отозвалась Зайка.
- «Вулворт», – прочитал Кеша и удивился: – Ты купила пледы?
- Ага, – отозвалась я, накладывая в тарелку нежную курятину, – очень захотелось!

Ольга с подозрением покосилась на меня. Она-то знает, что заставить свекровь отправиться по магазинам могут только чрезвычайные обстоятельства!

– Мусечка, – закричала Маруся, успевшая выскочить из-за стола и глянуть в пакет, – можно, я их себе возьму?

- Конечно, детка, пользуйся на здоровье.
- Это меринос? – спросил Тузик.

Я удивилась:

– Как вы догадались? «Вулворт» еще делает вещи из цигейки, козьего пуха и шкур...

– По запаху, – спокойно пояснил Тузик, – когда Машенька раскрыла пакет, по комнате разнесся аромат пледов из мериноса.

- Вы умеете по запаху определять вещи? – изумилась Зайка.
- Он Нос, – ответил Севка.
- Кто?
- Нос.
- Это как понимать? – спросила я.

Тузик улыбнулся. Я опять удивилась, насколько улыбка преображала его лицо.

– Я работаю в фирме «Дом Ореано», выпускающей духи, нюхачом, или Носом, одним словом, человеком, который составляет аромат.

– Такие специалисты, – прервал его Севка, – на вес золота. «Дом Диора», например, пытался переманить Тузика, только он не пошел.

– Почему? – поинтересовалась Маня. – Небось «Дом Диора» хорошую зарплату предлагал!

Тузик порозовел:

- Я люблю хозяина «Дома Ореано».
- А кто владеет этой фирмой? – не успокаивалась Манюня. – Может, лучше-то у Диора!
- «Дом Ореано» принадлежит мне, – спокойно пояснил Севка.
- Тебе? – ахнула я. – Но почему ты занялся парфюмерией, ты – химик!
- Именно поэтому, – хмыкнул Севка, – кому же еще выдумывать духи, как не Менделееву. Кстати, я привез пробешки, сейчас покажу.

И он вышел. Манюня вновь повернулась к Тузику и воскликнула:

- И вы можете по запаху все узнать?

Тузик аккуратно подобрал капли на редкость вкусной подливки и обнадежил девочку:

- Сто очков любой ищейке дам.

– Ой, только не уходи никуда. – Манюня перешла от полного восторга на «ты» и вылетела из столовой.

Тузик усмехнулся.

– Ваша дочь страшно забавная, жаль, что у меня никогда не будет детей.

– Почему? – ляпнула Ольга.

Я спрятала лицо за чашкой. А еще все время шпыняют Марусю за непосредственность! Надо же задать такой вопрос!

Но Тузик оказался на высоте. Он преспокойно ответил:

– У «голубых» не бывает детей. Хотя некоторые специально из-за наследников вступают в связь с женщиной. Но, боюсь, я не смогу.

– Вы так ненавидите дам? – поинтересовался Кеша.

На месте Тузика я бы давным-давно нагубила наглým хозяевам, но наш гость оказался то ли чрезвычайно деликатен, то ли слишком воспитан. Он просто спокойно пояснил:

– Почти все мои близкие друзья – женщины, честно говоря, я ощущаю с ними бо́льшую душевную близость, чем с мужчинами, но вступать в интимные отношения не могу!

– А скажите... – начал Кеша.

Но тут раздался звонок, хлопок входной двери, и хрипловатый, низкий голос с капризными обертонами:

– Ну-ка, милочка, прими пальто да показывай, где гости.

– Мы ждем кого-то? – спросила Зайка.

Дверь в столовую с треском распахнулась, и в комнату влетел язык пламени. На какую-то секунду мне показалось, что у нас начался пожар, но затем стало понятно: в помещение ворвалась дама удивительной красоты и энергичности.

Длинное вечернее платье, сшитое, очевидно, из атласа, было такого пронзительно красного цвета, что я зажмурилась. Впрочем, сияние исходило не только от одежды. Волосы, уши, пальцы, запястья... Все горело и переливалось. Диадема, кольца, серьги, браслеты... Не было только ожерелья. Платье наглухо закрывало не только грудь, но и шею. Сверху оно сидело в обтяжку, подчеркивая красивые формы и тонкую талию, внизу расширялось колоколом и волочилось по полу. Волосы густы, иссиня-черные, резко контрастировали с бледной кожей и круглыми ярко-синими глазами. Пухлый рот, покрытый помадой пурпурного оттенка, капризно изогнулся, и незнакомка, тряхнув роскошными кудрями, заявила:

– Добрый вечер, господа, я Рита Назарова. Простите, слегка опоздала, я звана к семи, однако дела задержали.

Я чуть не лишилась чувств. Кто бы мог подумать, что она воспримет всерьез мое дурацкое приглашение!

– Садитесь, – радушно предложил Кеша, отодвигая стул, – у нас фрикасе из цыпленка.

Маргарита повернулась и пошла вдоль стола. Я увидела ее сзади и обомлела. Абсолютно глухое спереди платье открывало всю роскошную спину полностью, до талии, вернее, до того места, из которого у людей растут ноги.

Зайка закашлялась, а Тузик уронил вилку. Рита села на предложенное место и бойко завела светскую беседу. Если она и удивилась, обнаружив на вечеринке всего четырех человек, одетых по-домашнему, то виду не подала. Впрочем, через пару минут спустился Севка с маленьким чемоданчиком, и мы начали нюхать крохотные пузырьочки, вернее пробочки. Маргарита страшно оживилась, и они с Севкой принялись живо обсуждать последние новинки парфюмерии. Я пошла на кухню, велела Катерине вытащить и разморозить торт, потом вернулась назад и застала дивную картину.

Маня совала прямо в нос Тузику не слишком чистый кулачок с воплем:

– Ну-ка угадай, что внутри!

Мужчина принялся:

– Так, ты мыла руки глицериновым мылом, потом держала шоколадку «Таблерон», молочную, а не горькую...

– Класс, – взвизгнула Манюня, – точно, перед ужином съела, а что в кулаке?

Тузик раздул ноздри.

– Так, латекс, но не простой, сильно ароматизированный, думаю, презерватив. Но откуда у тебя сей предмет, дорогая?

– Ловко, – завопила Машка, разжимая руку. На перемазанной шариковой ручкой ладошке и впрямь лежало лучшее средство защиты от СПИДа, – думала, никогда не узнает!

– Где взяла? – сурово спросил старший брат.

Сестрица затараторила:

– Ну, прикол! Хотела такое найти, чтобы он вовек не догадался, все перерыла, потом залезла к тебе в сумку и нашла пакетик!

– Интересно, – протянула Зайка, окидывая муженька с головы до ног гневным взглядом, – и зачем тебе презерватив, а? Да еще в барсетке!

– Понятия не имею, как он там оказался, – хмыкнул Кеша.

Но потом, увидав, что хорошенькое личико Зайки стало медленно краснеть, быстро добавил:

– А, вспомнил! Заезжал в аптеку, мне и дали в качестве подарка!

Ольга открыла было рот, но тут заговорила Рита:

– Боже, как интересно! А угадайте, какие у меня духи?

– Элементарно, – с готовностью ответил Тузик, – Мияки, «Огненный шар». Это очень просто. Помада, да и вообще вся косметика у вас Буржуа. Хотите, шампунь назову? Правда, он какой-то необычный, можно, я подойду поближе?

– Пожалуйста, – засмеялась Рита, – на здоровье!

Тузик обошел стол, приблизился к Назаровой и спрятал свой нос в ее роскошных волосах. Издали это выглядело так, словно он целует ее в затылок.

В эту секунду раздался грохот, визг Ирки, дверь в столовую распахнулась, и послышался мужской гневный голос:

– Сука, блядь, так я и знал!

На пороге стоял крепкий мужик в смокинге безукоризненного покроя. Его белую рубашку украшала красная бабочка с брильянтовой брошью в середине, о стрелки брюк можно было порезаться, ботинки лаково блестели... Идеальное впечатление респектабельности портило выражение дикой злобы на смуглом лице и огромный, чудовищного вида пистолет в правой руке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.